

ПЕРЕЗРОНЬ

1926

12

„ПЕРЕЗВОНЫ“ „PEREZVONY“

Январь 1926 г. № 12 (4).

Рига, Редакция и контора L. Kaleju ielā 43
Телеф. 20-76 и 34-18

Цена номера 80 сент. (40 р./б.)
Заграницей 20 амер. цент.

О подпискѣ см. послѣ текста.

Содержаніе:

Аглая Гамаюнъ — „Голубая нить“
А. Купринъ — „Пунцовая кровь“
Н. Рощинъ — „Крестьянскій сынъ“
Проф. Н. И. Мишеевъ — „В. В. Верещагинъ“

Репродукціи картинъ В. В. Верещагина, изъ нихъ
двѣ приложеніями на паспарту.

Дѣтскій уголокъ. Изъ области искусства. По бѣлу
свѣту. Русская книга.

Сотрудники:

М. А. Алдановъ, Мих. Арцыбашевъ, К. Д. Баль-
монтъ, Н. Г. Бережанскій, проф. Бердяевъ, И. А.
Бунинъ, Ю. Галичъ, О. Далматова, А. Даманская,
Донъ-Аминнадо, Бор. Зайцевъ (ред. литер. отдѣла),
А. И. Купринъ, Вл. Лодыженскій, Ив. Лукашъ, С. Р.
Минцловъ, проф. Н. И. Мишеевъ, Мих. Осоргинъ,
А. М. Ремизовъ, Н. А. Тэффи, И. Сургучевъ,
В. Ф. Ходасевичъ, А. Черный, Евг. Н. Чириковъ,
Марина Цвѣтаева, И. Шмелевъ, Сем. Юшкевичъ.
Художники: акад. Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, акад.
С. А. Виноградовъ, А. М. Прандъ (ред. худ. части),
Ю. Г. Рыковский и друг. Обложка — работы
М. Добужинскаго.

Отъ издательства:

Въ виду задержки съ оборудованіемъ собственной цинкографіи издательство не успѣло пополнить запаса
цвѣтныхъ клише, почему въ №№ 11 и 12 вторая четырехцвѣтная репродукція замѣнена репро-
дукціей duplex autotipia.

Представительства журнала „Перезвоны“

Австрія — А. Мухинъ — Вѣна I, Petersplatz 9.
Болгарія — Н. Алексѣевъ — Софія, В. Тырново 17.
Германія — Кн. маг. О. Дьяковой — Berlin W. Kleiststrasse 23.
Польша — Изд. „Добро“ — Warszawa, Gl. poczta. Skrzynka 192.
Румынія — Кн. маг. „Книга“ — Chişinău (Кишиневъ), str. Alexandru cel Bun 71.
Турція — Г. Пахаловъ „Культура“ — Константинополь, 385, Grand rue de Pera.
Франція — „Librairie Hachette“ (Messageries de journaux) III, rue Réamur
III, Paris 2 e.
Чехословакія — Кн. маг. „Пламя“ — Praha II. Ječná 32.
Югославія — И. И. Карпенко — Бѣлградъ, Приштинская 52. — Приѣмъ
подписки и розничная продажа.

Безусловно
И внѣ сомнѣній, въ
БИ-БА-БО
Аппетитны
Бульонъ, чай и
Особенно кофе.

БИ-БА-БО, влад. Э. ФРЕЙМАНЪ,
Бульв. Свободы 2/4, тел. 81-78, до 2 ч. ночи.

Единственный въ Ригѣ

teatrs

RADIO

Café

бульв. Свободы № 2/4

Сегодня и ежедневно
на сценѣ и въ публикѣ обширная и разнообраз.
программа

въ 2 больш. отд. Начало прогр. въ 9½ час. веч.

Radio-концерты съ 7 час. вечера.

Издание Акционерного Общества „САЛАМАНДРА“
Латвія, Рига. Бол. Кузнечная ул. 43. Телефонъ 26-70 и 83-40.

Слово

ВЪ 1926 ГОДУ выходитъ подъ редакціей **И. С. Лукаша**
и **Н. Г. Бережанскаго.**

Въ „СЛОВѢ“ участвуютъ писатели :

А. Амфитеатровъ, В. Амфитеатровъ-Кадашевъ, М. Арцыбашевъ, поч. акад. Ив. Бунинъ, В. Л. Бурцевъ, Б. Зайцевъ, С. Кречетовъ, А. Ксюнинъ, А. Купринъ, А. Ремизовъ, В. Сиринъ, А. Салтыковъ, Ив. Шмелевъ, Аріадна Тыркова, В. Унковскій, С. Яблоновскій и многіе другіе; также русскіе ученые, общественные дѣятели, депутаты русской фракціи Латвійскаго Сейма и Эстонскаго парламента.

Собственные корреспонденты и фотографы „СЛОВА“ во всѣхъ центрахъ Европы, на Балканахъ, въ Америкѣ и Азіи.

Информация „СЛОВО“ изъ Совѣтской Россіи — раньше другихъ газетъ.
„СЛОВО“ имѣетъ наиболѣе широкій отдѣлъ **жизни въ провинціи.**

Выходя въ 1 часъ дня „СЛОВО“ даетъ полную утреннюю и послѣобѣден. информац. за 24 час.

Въ каждомъ номерѣ „СЛОВА“ — обильныя иллюстраціи и фотографіи.
„СЛОВО“ имѣетъ обширную сеть провинціальныхъ корреспондентовъ.

Собственные корреспонденты и фотографы „СЛОВА“ въ Литвѣ, Эстоніи, Финляндіи и Польшѣ.
Съ 1926 года — для провинціи цѣна „СЛОВА“ понижена.

Подписная цѣна:

въ Ригѣ	— 2 лата (100 р.) въ мѣсяцъ
въ провинціи	— 2 лата 50 с. (125 р.) въ мѣсяцъ.
за границей	— 70 америк. центовъ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „САЛАМАНДРА“

Открыта подписка на

„Юный читатель“

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ЮНОШЕСТВА

(подъ редакціей Л. КОРМЧАГО)

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ

Въ каждомъ номерѣ рассказы, приключенія, путешествія, очерки жизни разныхъ странъ и народовъ, обзоръ новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній.

==== Большой конкурсъ „ЮНАГО ЧИТАТЕЛЯ“ на премію стоимостью =====

ВЪ СТО ЛАТЪ (5000 руб.)

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: увлекательный романъ изъ жизни американскаго школьника съ оригинальными иллюстраціями художника Г. Дайбера.

Журналъ богато иллюстрированъ. Художественная обложка работы Н. ПУЗЫРЕВСКАГО.

Подписная плата: на годъ въ Латвіи 10 латъ, на $\frac{1}{2}$ г. 5 л.; за границу на годъ 3 дол., $\frac{1}{2}$ г. 1 дол. 50 ц.

Редакція и контора: Рига, Вальдемарская 63, Тел. 2-73

Всѣ кушаютъ халву
греческой фабрики

Бр.
И. и Н. Манкосъ
А Вы?

Каждый кусокъ хал-
вы снабженъ клей-
момъ нашей фирмы.
Адресъ фабрики:
Рига,
Гоголевская 7-а.
Тел. 65-12.

Вы напрасно не ищите
Крема лучше не найти
Лучше всѣхъ остался „Vici“
Въ нашемъ жизненномъ пути.

**Здоровье
и радій.**

Радій является однимъ изъ
чудеснѣйшихъ цѣлебныхъ
средствъ въ мѣрѣ. Почему?
Потому, что радій сосредото-
ченъ съ животворными си-
лами солнечныхъ лучей. **Со-
време-»,** **исслѣдова-
тели радія** сумѣли изгото-
вить соли, лепешки, таблетки
и подобные препараты, со-
держашіе радій въ строго
взвѣшенныхъ дозахъ, вслѣд-
ствіе чего они изцѣляютъ

MIRAD

дѣйствуютъ при разн. болѣз-
няхъ, какъ напр.: подагрѣ,
ревматизмѣ, ишиасѣ, нервн
болѣзняхъ, болѣзняхъ об-
мѣна веществъ и почекъ,
малокровіи, старческой сла-
бости и т. п. Его названіе
Miradium. Препараты Mira-
dium, рекомендуются вра-
чами и примѣняются въ
госпиталяхъ и клиникахъ.
Miradium соли, таблетки и
лепешки продаются только
въ аптекахъ по Ls. 3, — за
склянку.

ОЛА
лакъ
для
ногтей

Колдъ кремъ шеркъ

для
лица.

для
лица.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфю-
мерныхъ магазинахъ.

Оптомъ исключительно у
А. Подлящука и Т. Блуменау,
Крѣпостная 19, тел. 85-24

Эти чаи рассчитаны на людей съ
тонкимъ вкусомъ, умѣющихъ цѣ-
нить все прекрасное.

ЧАЙ „МАГАРАДЖА“ лучший въ мѣрѣ
цейлонскій чай.

ЧАЙ „ТИН-ХИНГЪ“ лучший въ мѣрѣ
китайскій чай,

ЧАЙ „ТАЙФУНЪ“ первоклассная
любитель. смѣсь.

Сѣверо-Вост. Торг. Т-во
И. Л. Мейеръ и Ко.

ПРОЗЫ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 12 1926 12

Н. И. МИШЕЕВЪ

В. В. ВЕРЕЩАГИНЪ

I

Н. Н. Крамской говорилъ: „мое сердце съ гордостью бьется отъ сознанія, что Верещагинъ — русскій“.

Одинъ изъ величайшихъ мастеровъ XIX в., Адольфъ Менцель, сказалъ о Верещагинѣ: „Der kann alles“ („этотъ все можетъ“).

В. Верещагинъ за свою жизнь (1842—1904) устроилъ 30 собственныхъ выставокъ, начиная съ 1869 г. Повсемѣстно ихъ сопровождалъ огромный успѣхъ. Печать всѣхъ европейскихъ странъ восторженно отзывалась о нихъ, отмѣчая художественность, глубокую идейность, нравственное вліяніе его произведеній, значеніе послѣднихъ для народа. Такъ вѣнская „Neue Freie Presse“ о выставкѣ 1881 г., гдѣ большинство посѣтителей былъ народъ, т. е. солдаты, ремесленники, даже крестьяне, писала: „Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ особенностей выставки Верещагина заключается въ томъ, что теперь, кажется, впервые поселяне почувствовали величайшій интересъ къ художественной выставкѣ. Описанія картинъ въ газетахъ побудили многихъ крестьянъ пріѣхать

В. В. Верещагинъ

въ Вѣну и отправиться на выставку. Вернувшись домой, они разнесли славу живописца по всѣмъ окрестнымъ селеніямъ. Такимъ образомъ, теперь по всей Имперіи распространилось желаніе видѣть его произведенія“.

Знаменитый германскій стратегъ Мольтке, посѣтивъ выставку Верещагина въ Берлинѣ (1882 г.), запретилъ офицерамъ бывать на ней. Также произошло и въ Вѣнѣ. Вильгельмъ II, полный милитаристическихъ замысловъ, сказалъ Верещагину, что его картины лучшее свидѣтельство нелѣпости войны.

Можно было бы привести еще десятки, сотни отзывовъ, говорящихъ о значительности творчества В. Верещагина и, главнымъ образомъ, подчеркивающихъ его исключительное моральное вліяніе, связанное съ „походомъ“ противъ войны. Но довольно и этихъ.

II

Ни одна катастрофа не вызываетъ столько больныхъ, недоумѣнныхъ вопросовъ, какъ война. Намъ, недавно пережившимъ величайшую изъ войнъ, какую когда-либо видѣло

В. В. Верещагинъ

„Нападають врасплохъ“

человѣчество, это особенно ясно, близко. Какъ совмѣстить нашу культуру, ея грандіозныя достиженія, нашу мораль, которая не сходитъ у человѣка съ языка, нашу христіанскую религію, исповѣдывающую любовь къ ближнему, наше высокое умственное развитіе... какъ соединить это съ войной, т. е. съ истребленіемъ милліоновъ людей, съ разрушеніемъ культурныхъ цѣнностей, съ естественно слѣдуемымъ за всѣмъ этимъ одичаніемъ, озвѣреніемъ, — это мы, отказываемся понять! Мы становимся близкими къ отчаянію, когда хотимъ разобраться въ причинахъ войны. Вѣдь и логика ума, и велѣнія сердца, и данныя исторіи — все противъ войны и, несмотря на все это, чело-вѣчество, время отъ времени, занимается взаимнымъ истребленіемъ, точно повинуюсь какой-то темной силѣ, которая мутитъ его разсудокъ, заставляя, очертя голову, бросаться на дѣло, идущее въ совершенный разрѣзъ со всѣмъ истинно-человѣческимъ.

Вотъ почему все, что противъ войны, необычайно затрагиваетъ насъ, волнуетъ, радуетъ, вызывая смутную надежду, что это именно сперва отодвинетъ войну, а затѣмъ, можетъ быть, и совершенно ее уничтожить, сдѣлавъ абсолютно непріемлемой въ чело-вѣческомъ обществѣ.

И, конечно, главную причину необычайной популярности Верещагина, какъ художника, надо видѣть въ томъ, что онъ первый изъ представителей пластическихъ искусствъ, выступилъ съ горячѣйшей проповѣдью противъ войны.

„Война, — говорилъ Верещагинъ, — наблюдаемая вблизи, когда находишься въ самой кипѣ ея, ужасна, и кто самъ видѣлъ ужасы разрушенія и сцены страданія, тому-ли едва придетъ на мысль находить побѣду столь возвышенной и красивой, потому что зрѣлище крови, стоны раненыхъ и хрипѣніе умирающихъ должны наполнить сердце людей глубокою скорбью. Тысячи здѣсь кидаются въ битву и ежеминутно падаютъ сотнями мертвые и изувѣченные... Развѣ война имѣетъ двѣ сто-

роны: одну пріятную, привлекательную и другую некрасивую, отталкивающую? Существуетъ лишь одна война, во время которой стараются заставить врага, какъ можно больше потерять людей убитыми, ранеными и плѣнными, и во время которой сильный бьетъ слабого до тѣхъ поръ, пока слабый не запроситъ пощады... Развѣ вы не знаете, что въ войнѣ на каждый часъ, такъ называемой, славы, приходится 40 и, пожалуй, даже больше часовъ страданія и мученія всякаго рода?..“

На обвиненіе Верещагина, что онъ трактовалъ въ своихъ произведеніяхъ только самые страшные сюжеты войны, что, поэтому, былъ тенденціозенъ, художникъ отвѣчалъ. „Мы до сихъ поръ не можемъ освободиться отъ тьмы средневѣковаго предрасудка, что въ искусствѣ нужно кого-либо или что-либо прославлять. Большинство людей привыкло видѣть въ картинахъ все только праздничное, и потсму многіе поскорѣй обзываютъ тенденціей все то, что попытается представить имъ будни... Никогда не обвиняютъ въ тенденціи того, кто рисуетъ только побѣды (между тѣмъ, тутъ-то именно и сидитъ тенденція), и тотъ кто, хотъ немножко попытается остановиться на томъ, что также принадлежитъ къ общему теченію войны, — того сейчасъ подъ судъ за „тенденцію!..“ Мнѣ приходилось выслушивать мнѣнія объ эстетической сторонѣ войны такихъ авторитетовъ, какъ принцъ Георгъ саксонскій и покойный принцъ Фридрихъ Карлъ-Пруссскій. Ихъ отвѣтъ былъ краткій: „Все это утверждаетъ люди, которые настоящей войны не видѣли“.

Почему же Верещагинъ такъ заинтересовался войной?

Какъ онъ самъ объяснялъ, въ 1867 г. онъ рѣшилъ ѣхать въ Туркестанъ потому, что „хотѣлъ узнать, что такое истинная война, о которой много читалъ и слышалъ и близъ которой былъ на Кавказѣ... Обращивалъ же я сюжеты войны далеко не въ сентиментальномъ духѣ потому, что мнѣ самому пришлось убить

въ различныхъ войнахъ не мало своихъ ближнихъ... Я не имѣлъ права сентиментальничать! Видъ этихъ грудь человѣческихъ существъ, зарѣзанныхъ, застрѣленныхъ, обезглавленныхъ на моихъ глазахъ отъ границъ Китая до Болгаріи, неминусомо долженъ былъ оказать живое вліяніе на художественную сторону замысла... Я задумалъ наблюдать войну въ различныхъ ея видахъ и передать все это правдиво. Факты, перенесенные на холстъ безъ прикрасъ, должны краснорѣчиво говорить за себя“.

Весьма естественно, что, благодаря такому отношенію къ войнѣ, Верецагинъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ горячихъ поборниковъ мира, вслѣдствіе чего общества и друзья идеи мира, внесли его въ число кандидатовъ на Нобелевскую премію. Узнавъ объ этомъ, Верецагинъ писалъ: „одни распространяютъ идею мира своимъ могучимъ, увлекательнымъ словомъ, другіе выставляютъ въ защиту ея разные аргументы, религіозные, экономическіе и др., а я проповѣдую то же посредствомъ красокъ... Для меня очень важно признаніе, что искусство въ данномъ отношеніи имѣетъ такое же облагораживающее воспитательное значеніе, какъ изящная литература и ораторское краснорѣчіе...“

III

Уже самыя признанія Верецагина свидѣтельствуютъ о томъ, что ничего вымышленнаго въ его произведеніяхъ нѣтъ. Онъ писалъ только то, что самъ видѣлъ. Поѣздка его на Кавказъ,

въ Среднюю Азію, въ Индію, на Балканы, въ Болгарію, въ Палестину, на Филиппины, на Дальній Востокъ говорятъ намъ, что художника влекло ненасытное стремленіе найти матеріалъ для своей живописи и притомъ въ такихъ странахъ, гдѣ раньше не была нога европейскаго художника. „Вездѣ, — говоритъ онъ, — въ Туркестанѣ и въ Индіи, этюды знакомили меня со страной, учили меня; результатомъ чего являлись картины, созрѣвавшія гораздо позже“.

Мы знаемъ, что желаніе все самому видѣть заставило Верецагина поспѣшить на Дальній Востокъ съ началомъ русско-японской войны, во время которой онъ и погибъ на броненосцѣ „Петропавловскъ“, взорванномъ японцами 31 марта 1904 г. Смерть застала его въ моментъ, когда — по разсказу спасагося сигнальщика корабля — этотъ „славный старикъ, красивый, съ большой бѣлой бородой, съ Георгіемъ въ петлицѣ ходилъ по палубѣ съ книжкой и все что-то тамъ записывалъ...“

Итакъ, В. Верецагинъ, какъ художникъ, былъ реалистъ, изображая только видѣнное и притомъ такъ, какъ въ жизни. Съ другой стороны, водвигая на первое мѣсто въ своихъ произведеніяхъ идею, содержаніе, онъ по направленію примыкалъ къ передвижникамъ, хотя на ихъ выставкахъ и не участвовалъ, устраивая всегда выставки самостоятельныя. Въ исторіи развитія русской живописи онъ большого значенія не имѣетъ. Мы не видимъ ни его послѣдователей, ни тѣмъ болѣе созданной имъ школы. Онъ стоитъ совершенно особнякомъ.

В. В. Верецагинъ

„У крѣпостной стѣны: Пусть войдутъ“

В. В. Верещагинъ

„Побѣжденные“

Но, обращаясь къ нему лично, мы не можемъ не отмѣтить его, не позаимствованнаго ни откуда новаторства въ технику избраннаго имъ мастерства. Такъ, онъ былъ одинъ изъ первыхъ „пенэристовъ“, требовавшимъ, чтобы для „писанія сценъ на воздухъ, натурщикъ позировалъ бы именно на открытомъ воздухѣ“. Для этой цѣли онъ устраивалъ спеціальныя мастерскія себѣ въ Мюнхенѣ и въ Парижѣ, совершенно открытыя съ одной стороны, вращавшіяся по рельсамъ, залитыя солнцемъ. Мастерская съ моделью, благодаря рельсамъ, шла, такъ сказать, за солнцемъ. Онъ всѣ усилія употреблялъ на то, чтобы дать полный plain air, но постоянно въ то же время твердилъ, что это не самое главное въ картинѣ, что „дать лишь одно пятно, одно впечатлѣніе красокъ можно только въ видѣ этюда, что истинному художнику этого мало...“ Отсюда — его этюды живописнѣе самихъ картинъ, гдѣ чисто живописные эффекты отодвигались на второй планъ предъ рисункомъ, предъ мельчайшими деталями, которыя художникъ тщательно разрабатывалъ. Сознawalъ-ли это самъ Верещагинъ? Возможно, иначе не говорилъ бы, что „четверти того, что видѣлъ, я не выразилъ“.

Что касается самого рисунка, то необходимо отмѣтить его необыкновенную остроту, четкость у Верещагина, свидѣтельствующія объ одной изъ характернѣйшихъ чертъ художника, именно его волю, сильномъ упорномъ характерѣ, ломающемъ всѣ преграды, стоявшія на пути. Объ этомъ часто говорятъ его письма.

„Я лично, — читаемъ мы въ нихъ, — всю жизнь буквально вырывалъ у себя куски мяса, горстями ѣлъ хининъ отъ постоянной лихорадки, и она, т. е. эта самая лихорадка, какъ я хорошо убѣдился въ этомъ, — плодъ невѣроятныхъ усилій надъ собой, производимыхъ для добыванія правды въ краскахъ, силы и натуральности въ сюжетахъ... Напрасно думаютъ, что такая художественная добросовѣстность легка: громадныя полотна валились мнѣ на носъ, солнце меня палило, и морозъ сковывалъ мнѣ руки, когда я писалъ на улицѣ, но я не покидалъ разъ принятой манеры, стремясь передать эффекты различныхъ освѣщеній дня...“

IV

Картины: „Смертельно раненый“, „Высматриваютъ“, „Нападаютъ врасплохъ“, „Представляютъ трофеи“, „У крѣпостной стѣны. Т-ссь! Пусть войдутъ!“, „Апофеозъ войны. — Посвящается всѣмъ великимъ завоевателямъ, прошедшимъ настоящимъ и будущимъ“, „Побѣдители“ — это произведения, написанныя Верещагинымъ на сюжеты изъ туркестанскаго похода.

„Ой, братцы, убили!.. убили!.. Ой, смерть моя пришла!“ Художникъ слыхалъ эти слова и видѣлъ этого солдата, „который покружился и упалъ замертво на его глазахъ. („Смертельно раненый“).

Небольшой русскій отрядъ, посланный на рекогносцировку, расположился вечеромъ въ долину, не подозревая, что непріятель (узбеки

и киргизы) прятался неподалеку, подстерегая минуты для нападения. („Высматривают“).

„Умремъ, не посрамятъ Русской земли! Мертвымъ не стыдно“ („Нападаютъ врасплохъ“). Верещагинъ присутствовалъ во время одной такой схватки.

Во дворцѣ бухарскаго эмира, въ Самаркандѣ. Головы перерѣзанныхъ русскихъ подносятся эмиру. („Представляютъ трофеи“).

При отстаиваніи Самарканда русскими ожидалось нападеніе черезъ одну изъ брешей, сдѣланныхъ непріятелемъ въ стѣнахъ. Уже были слышны крики пробиравшейся толпы. Верещагинъ просилъ полковника Назарова, командовавшаго гарнизономъ, сдѣлать вылазку имъ на встрѣчу, но получилъ въ отвѣтъ: „Т-ссъ! Пусть войдутъ!“

„Апофеозъ войны“ — картина исторически вѣрная. Тамерланъ и многіе другіе завоеватели Востока воздвигали такіе монументы на поляхъ битвы, оставляя тамъ кости враговъ, чтобы ихъ очистили и выбѣлили солнце, дождь, волки, шакалы и хищныя птицы.

„Побѣдители“ — обычная исторія, которую продѣлывали киргизы и узбеки съ русскими солдатами, (цвѣтн. репрод.). Мы видимъ здѣсь всѣ особенности только Верещагина: его реализмъ; вниманіе къ деталямъ, остроту рисунка, сухость живописи при несомнѣнной, однако, колоритности, трагизмъ сюжета, въ трактовку

котораго вложено слишкомъ много эпоса, а потому картина сразу поражаетъ, а потомъ вы начинаете ее разсматривать чуть-ли не какъ „этнографическое явленіе“.

Совсѣмъ ужъ это „явленіе“ предстаетъ вашимъ глазамъ въ „Киргизѣ съ соколомъ“, гдѣ вы удивляетесь чрезвычайному искусству воспроизведенія деталей, и въ „Продажѣ мальчика-невольника“. Впрочемъ, здѣсь прекрасно сдѣлано уговаривающее лицо купца, хорошо вылеплено тѣло мальчика, чувствуется воздухъ и свѣтъ южнаго пылающаго зноемаго дня.

„У дверей Тамерлана“, какъ и послѣднія двѣ картины также относятся къ туркестанской серіи. Два азіата изъ полчищъ Тамерлана сторожатъ двери въ полномъ древнемъ вооруженіи. Замѣчательно здѣсь воспроизведенъ восточный орнаментъ на самихъ дверяхъ. Какое нужно было терпѣніе для этого!

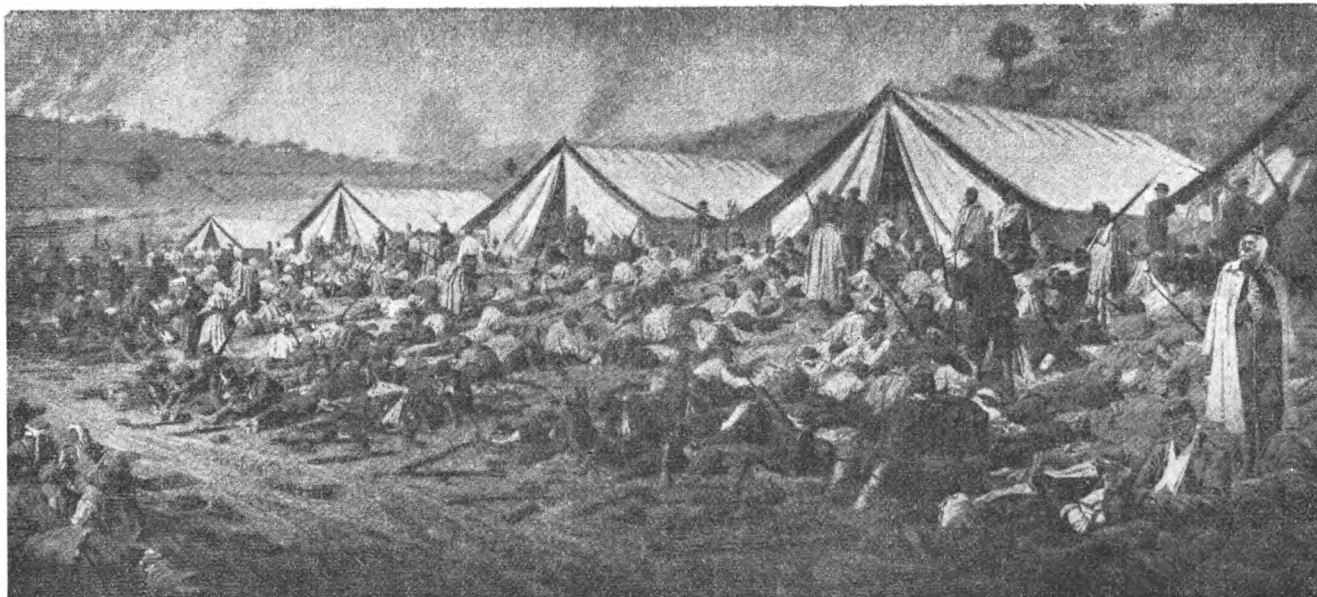
„Передъ атакой“, „Послѣ атаки“, „Надъ Плевной“, „На Шипкѣ все спокойно“, „Побѣжденные“ — это картины изъ Русско-Турецкой войны.

Это лучшее, что написалъ Верещагинъ, особенно „Побѣжденные“ и „На Шипкѣ все спокойно“. Они полны глубокой трагедіи войны. Что можетъ быть трагичнѣе панихиды по убитымъ воинамъ, „имена же ихъ Ты, Господи, вѣси!“ А здѣсь еще всѣхъ раненыхъ прирѣзали, изуродовали и раздѣли до гола. Това-

В. В. Верещагинъ

„Апофеозъ войны“

В. В. Верещагинъ

! „Послѣ атаки“

рищи ихъ, егеря, собрали разбросанныя по полю битвы тѣла, положили ихъ рядомъ передъ общею могилою... Полный скорби священникъ съ кадиломъ въ рукахъ провозглашаетъ „вѣчную память“... Солдаты-псаломщики дѣловито-печально, но по церковному чину, подтягиваютъ батюшкѣ. Кругомъ безъ конца равнина, покрытая голыми тѣлами... Надъ равниной тяжелое небо...

Много осталось воспоминаній о томъ [впечатлѣніи, которое въ свое время картина произвела на русское общество. Предъ этой картиной не стыдились плакать...

„На Шипкѣ все спокойно“ — доносилъ ген. Гурко. Верещагинъ и показалъ это „спокойствіе“. Кто не знаетъ этой „прелести“! Вѣдь пословицей сдѣлалась. Ужасъ и безсмысліе войны здѣсь „рѣжутъ душу“ и, конечно, потому, что художникъ далъ въ этихъ своихъ произведеніяхъ только намѣкъ, который душа безъ конца можетъ „разматывать въ себѣ“...

Заинтересовавшись личностью Наполеона, Верещагинъ представилъ рядъ очень правдивыхъ и точныхъ съ исторической точки зрѣнія иллюстрацій ко времени пребыванія Наполеона въ Москвѣ и отступленія союзныхъ армій. Наша репродукція изображаетъ „Въ Кремль — пожаръ“.

Въ заключеніе обращаемъ ваше вниманіе на „портреты незамѣчательныхъ русскихъ людей“:

„Нищенка“ и „Старый дворецкій“. Они очень любопытны по характерности изображенныхъ типовъ и замѣчательной экспрессіи лицъ, передающей такъ индивидуальность оригиналовъ.

Нищая-богомолка — это типъ придавленной судьбой русской бабы-крестьянки. Такъ и слышится голосъ ея, рѣчь, полная жалобъ на тяжело прожитую жизнь, наложившую рѣзкія черты на сморщенное лицо...

Въ прижмуренныхъ хитрыхъ глазкахъ, „Старого дворецкаго“, въ насмѣшливой улыбочкѣ чувствуется, что его врожденное плутовство помогло ему весьма хорошо прожить свой вѣкъ. Большимъ и тонкимъ психологомъ показалъ себя здѣсь Верещагинъ.

Если предметъ живописи — все, что видитъ глазъ, то Верещагинъ писалъ все: портреты, пейзажи, архитектуру, животныхъ, типы различныхъ народностей, археологическіе памятники, жанры, мирныя сцены, религиозныя и военныя картины. Онъ составилъ, кромѣ того, рядъ коллекцій предметовъ, собранныхъ имъ во время своимъ безпрестаннымъ скитаніемъ. Наконецъ, послѣ него остались и литературныя произведенія. Поистинѣ жизнь, полная труда, напряженія, волевого усилія, развитіе своего таланта, вѣры въ себя и самоуваженія, о чемъ свидѣтельствуетъ не одна страница его біографіи. Жизнь, достойная подражанія!

Н. И. Мишеевъ

КРЕСТЬЯНСКІЙ СЫНЪ

... Изъ коляски голосъ раздается:
— „Подайте сына своего“...
(рекрутская пѣсня)

Какъ только закрываль глаза Луковкинъ, приходило всегда одно и то же: темная изба, слѣпой квадратъ иконы въ углу, подъ иконою на полкѣ пыльный пучокъ вербы, уголь засаленной книжки, на кривомъ шестѣ съ потолка — зыбка съ петель внизу для ноги, крѣпкій смоленый и теплый духъ — дегтя отъ шлеи на колкѣ у дверей, овчины, хлѣба, дыма и дежки у печи. Сарай противъ избы съ черными трухлявыми бревнами, гдѣ праздниками собирались на погулянку дѣвки, дворъ съ невозной жижей сквозь бурую солому, тяжелые вздохи изъ хлѣва, конопленики и токъ за ними, гладкій и скользкій въ дождь, какъ ледъ. Отецъ — рыжебородый и крѣпкій мужикъ — полѣсовщикъ, сумрачный и тяжелый на-руку, съ сизыми — какъ двѣ большія сливы — скулами и глазами, уползшими подъ косматыя рыжія брови. Какъ первымъ въ обѣдъ опускалъ онъ въ щи, забѣленные молокомъ, широкую короткую щербатую ложку съ облупленной поливой, роняя хриповатымъ сырымъ голосомъ: „бузуй“ — и какъ всѣ послѣ этого тянулись въ миску за мясомъ. Ъли потомъ молочную тюрю и кашу съ соломъ, а въ праздники пекла мать драчену и сразу же послѣ обѣда долго пили спитый, никогда не выбрасывавшійся изъ чайника, чай.

Въ тотъ годъ, когда окончилъ Луковкинъ двухклассную сельскую школу, прикупилъ отецъ коня, молчаливый и довольный, похаживалъ съ аршиномъ возлѣ новаго большого сруба, выросшаго у избы, и однажды вечеромъ позвалъ сына:

— Говорилъ я съ учителемъ... Сбирай-сь, штоль, Артюшъ, къ Успенью въ городъ, поѣдемъ на поклонъ къ теткѣ Грипѣ. Отдамъ я тебя въ емназію... —

Съ робостью всходилъ Артамонъ на крыльцо маленькаго трехконнаго домика въ слободѣ, гдѣ жила тетка, удивленно-восторженно огля-

дывалъ пустынную послѣ деревни, горницу, съ непривычки смурьгалъ сапогами по чистымъ, вымытымъ щелокомъ, поламъ, сбивалъ лоскутную дорожку, и растерянно жался у стѣнки. Все казалось ему небываемымъ, обманчивымъ — и горка въ углу съ бахромчатымъ бумажнымъ бордюромъ по краю частыхъ полокъ, съ желтыми дутыми сахарницами и ложками, выстроившимися шеренгой въ позахъ, и сарпинковые занавѣски на окнахъ, и карточки въ рамкахъ съ зубастыми раковинками и красный пушистый бумажный вѣеръ на стѣнкѣ.

Тетка Грипа, толстая и горбатая, съ маленькимъ морщинистымъ лицомъ, съ длиннымъ клокомъ сѣдыхъ волосъ изъ большой бородавки, похожей на проросшую картофелину, носила зимой и лѣтомъ ватныя штаны, вылѣзавшія изъ подъ теплой кубовой юбки и дѣлавшія ноги непомѣрно-толстыми, была сердита, скупа и хитра. Кормила Артамона впроголодь, сама ѣла часто и по-много тайкомъ отъ него, съ хворостиной гонялась за нимъ по улицѣ, волокла домой, била носомъ и зубами объ столъ, приговаривая: „читай въ книжку, читай въ книжку“... и безъ нужды лѣзла къ директору, притворно-плаксивымъ голосомъ умоляя „пожалѣть сироту“ и „снизойти въ положеііе“.

Разъ въ мѣсяцъ пріѣзжалъ изъ деревни отецъ, долго возился въ сѣнцахъ — обивалъ голякомъ снѣгъ съ валенокъ, снималъ ломавшійся отъ мороза армякъ, входилъ въ горницу съ двумя черезъ плечо мѣшечками — муки и ячменной крупы — и большимъ кускомъ сала въ холстинѣ, крестился на уголь и ревѣлъ густо съ порога еще:

— Ну, здорово, што-ль, анжинеръ-хитекторъ!... —

Потомъ пили чай, изъ-за пазухи вытаскивалъ отецъ кисеть, послунивъ пальцы, долго муслилъ „по угламъ“ трехрублевку и со вздо-

хомъ протягивалъ ее теткѣ Грипѣ. Артамону давалъ рубль „на струментъ“, наказывалъ „гонцовъ не гонять“ и „помнить благодѣтелей“, и уѣзжалъ.

Учился Артамонъ хорошо — первымъ — и только веснами слабѣлъ немного, на экзаменахъ укоризненно покачивали головами учителя, пересматривая годовыя отмѣтки. Съ четвертаго класса отказался отъ отцовскихъ денегъ и кормилъ себя уроками. А послѣ экзаменовъ ѣхалъ въ деревню, сбрасывалъ замазанный, чертовой кожи, костюмъ, надѣвалъ домотканныя порты и утрами въ косовицу шелъ не послѣднимъ въ рядахъ, увѣренно отмѣтая ярко зеленую на сѣромъ росномъ полѣ гряду тяжелой сырой травы. Въ полдни подходили дѣвки, оглядывали Артамона, тыкали пальцами въ животъ и пересмѣивались недружелюбно:

— Ишь, сябѣръ, ряжку то нагулялъ... Бѣло пузо... —

Но скоро выравнивалось все и къ осени провожали его всей деревней съ жалостливыми напутствіями, недоуверіемъ и ревностью:

— Ты на кого жъ думаешь, на попа, ай на писаря?... Гле, очки то надѣнешъ, званія своего не забывай... —

Потомъ кончилось все. Будто стерло съ доски сырой тряпкой, оставивъ мутный бѣлесый слѣдъ. Подошла война, и послѣднее въ памяти — сиротливая одинокая и жалкая фигура отца, постарѣвшаго и сгорбившагося, па-

смурный дождливый день, мокрый асфальтъ, надрывающіеся стоны гармоники, длинный, до края земли протянувшійся рядъ теплушекъ, слезали, капля-ль дождя на сизомъ носу отца и отмякшій сиплый и жалобный голосъ:

— Артюшъ... сыно-окъ...

И потомъ дѣльное, отцовски-строгое и тихое:

— Гляди, на рожонъ не прися самъ. Старайся — по письменной части... Читать-писать можешь... и арихметику... Которые вонъ съ дѣйствующей арміи валенками, сказываютъ, деньги шлютъ... А ежели што — гляди, съ ружьемъ шибко не балуй, борони Богъ... —

. * * *

Ранней весною возвращался изъ плѣна прапорщикъ Артамонъ Луковкинъ.

Медленно, сутками стоя въ тупикахъ, плелся недлинный поѣздъ — сѣро-зеленые, ветхія, поскрипывавшія теплушки съ нацарапанными на широкихъ дверяхъ мѣломъ надписями: „Kriegsgefangene“.

Странно похожи другъ на друга были, набитые въ теплушки люди. Молодые и старые — всѣ сѣдые, съ рѣдкими, торчавшими ежомъ, волосами, съ неестественно-жгучимъ блескомъ расширенныхъ зрачковъ, неправдоподобно-худые — ходячіе скелеты съ туго обтянутыми сѣрой влажной кожей черепами, рѣзко обозначавшими скулы и огромные провалы глазницъ. Сбились у откинутыхъ настежь дверей, дышали

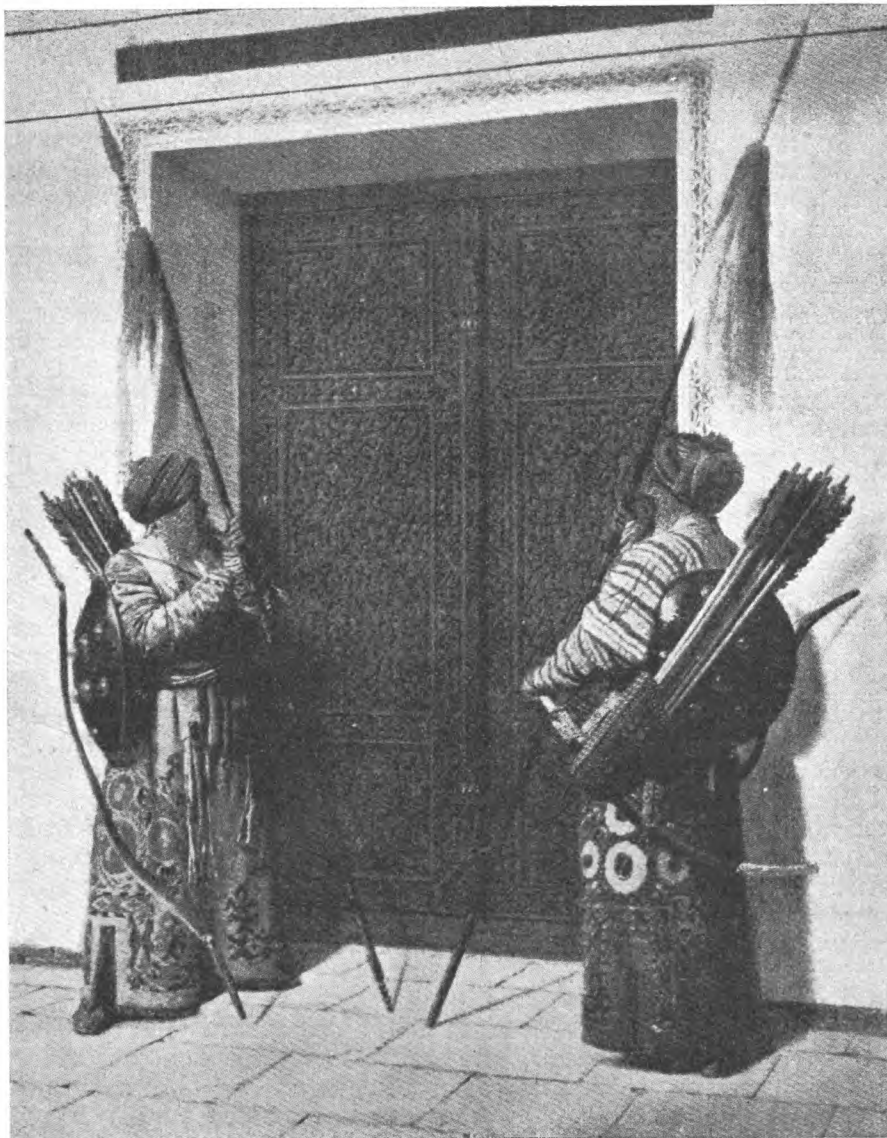
В. В. Верещагинъ

„Высматриваютъ“

В. В. ВЕРЕЩАГИНЪ

„ПОБѢДИТЕЛИ“

В. В. Верещагинъ

„Двери Тамерлана“

хрипло тяжело и часто, задыхались отъ весенняго воздуха, не застегивали — запахивали полы не по-худобѣ широкихъ шинелей.

Мѣнялся пейзажъ. Уже позади остался назойливый графленый узоръ — сумрачные тяжелые города, дома подъ остроугольными, непомѣрно-большими крышами, крытыми будто цвѣточными горшками, села, похожія на города, церкви, готовые сорваться и ринуться въ небо, частая шашечница пахотей и лѣса. Ровнѣе тянулось поле, вилась въ сторонѣ рѣчка, на берегу вдали разсыпалась деревушка и необычно черны и четки были голые еще топольки, а мазанки ослѣпительно бѣлы. И, куда только могъ хватить глазъ — все было ясно, напряженно и чисто, будто видѣлось въ отнесенную отъ глаза лупу...

Тихо было въ вагонѣ, и даже конвойный — нѣмецъ, обмякъ, утерялъ суровую угловатую отчетливость движеній и смотрѣлъ на новыя невѣдомыя мѣста съ тупымъ любопытствомъ.

И такъ неожиданна была въ немъ эта перемена, что разъ, на остановкѣ, подошелъ къ нему Кусковъ — солдатъ, одинъ изъ всѣхъ живой и задористый малый, съ непонятной смѣлостью дернулъ нѣмца за рукавъ и сказалъ, указывая на разбѣжавшіяся вокругъ поля:

— Што, братъ, шингель-мигель-канифасъ, видаль? Расія, братъ, начинается, огромное государства... Гуть?... Говори — гуть... —

— Я, я, гуть — просипѣлъ нѣмецъ, не то озадаченно, не то сердито.

— То-то. Это тебѣ не Дойшлянъ твой... драный...

И добавилъ тихо, со вздохомъ:

— Э-эхъ не нашего ты рубля алтынъ. Понятія въ тебѣ нѣту...

Дрожа въ ознобъ давней лихорадки, лежалъ на полу вытянувшись къ двери Луковкинъ, подставлялъ парному теплomu вѣтру обнаженную голову, дрожавшими руками мялъ фуражку, вертѣлъ фарфоровую кокарду, похожую

на конфету въ гофрированной бумажкѣ и подбиралъ подъ себя ноги въ долбленыхъ деревянныхъ котахъ. Жадными счастливыми глазами смотрѣлъ на столбы, мѣрно уходившіе назадъ, на тропку, торопливо бѣжавшую вдоль пути, на жидкую молодую зелень, готовую вотъ вотъ стечь съ пригорковъ и сгуститься въ балкахъ и промоинахъ. Думалъ, что подрубали уже березки ребята въ деревнѣ, вспоминалъ давнее письмо отца, сообщавшаго, что перековали носокъ у лемеха, зналъ, что, отталкиваемая колесами поѣзда, медленно, но неуклонно поворачивается къ нему земля тѣмъ роднымъ кровнымъ мѣстомъ, откуда ужъ никогда никуда онъ не уйдетъ, зналъ, что въ самую пахоту будетъ онъ дома, сбросить пластыремъ вѣвшееся въ тѣло казенное сукно, надѣнетъ замашную рубаху и порты и пойдетъ босыми ногами за плугомъ по жирной податливой землѣ.

Только деревня стояла передъ глазами, деревенское трудное и вольное житѣе — золотые лоскутки, придавившіе плечи пудовыми гириями, рота сумрачныхъ безтолковыхъ и покорныхъ людей, отходы по засѣяннымъ чужимъ полямъ, пожаръ и грохотъ, перебитая нога и три года медленной, нестерпимо жестокой пытки голодомъ, пытки, отъ которой повально сходили съ ума люди, бросались головами въ нужники, лѣзли на колючую проволоку, плотными кольцами обвивавшую лагерь и гибли, разстрѣливаемые караульными — все это, смѣшавшееся въ черный комъ, откатывалось понемногу назадъ, уходило, давая мѣсто новому — нетерпѣливой радости и жгучему ожиданію...

Какъ то ночью сосѣдъ Луковкина по нарамъ, угрюмый человекъ непомѣрно-высокаго роста и широкой кости, отчего казался онъ еще болѣе худымъ, повернулся къ Луковкину и загудѣлъ надтреснутымъ шмелинымъ басомъ:

— Слушайте, коллега Луковкинъ, вы вотъ

давеча про деревню рассказывали, а я сидѣлъ и думалъ, что внимательнѣй всѣхъ слушаю васъ я... И понимаю лучше всѣхъ... Батя мой — дѣчекъ сельскій, табакъ нюхаетъ и все псалмы распѣваетъ, человекъ слабый, а я выросъ на землѣ... Изъ земли выросъ, какъ боровикъ... Сильный то я былъ во-о-о... Буйволь, кентавръ...

Родъ нашъ сквозной, конечно, кутейный, но я съ дѣтства точку чувствовалъ... И — ничего, ничего не надо мнѣ въ жизни — земли бѣ вершокъ... Скажу я вамъ — поднялся онъ на локтѣ, заблестѣвъ въ темнотѣ глазами — въ лагерь меня ростовщикомъ звали, хлѣба я половину, что получалъ — продавалъ за большія деньги. Какъ не подохъ, самъ — не знаю. А я... я овесъ покупалъ на тѣ деньги. Есть такой овесъ, нѣмецкій сортъ, изумительный... Сошелся съ часовымъ, съ воли онъ мнѣ овесъ приносилъ, щепотями. Что ни щепоть — дороже, всего ободралъ, подлецъ... Но только теперь то у меня овса — полная торба. Не овесъ — кованное червонное золото. Ядренѣй хорошей пшеницы... А у насъ, на нашей то землѣ зерно каждое — въ орѣшину раздобрѣть... Такой овесъ... замѣчательный... Приѣду, на колѣняхъ вымолю дѣляночку, руками вспашу, каждое зернышко по линейкѣ сажать буду... Овесъ такой... Чтобъ вся Россія... —

Долго потомъ стояли они подъ тусклымъ шахтерскимъ фонаремъ, пересыпали изъ горсти въ горсть матово-золотой, тяжелой, необычайно крупный овесъ, нюхали ароматную пряную пыль, разгрызали зерно, и всю ночь съ жаромъ говорили о посадкѣ, объ удобреніи, объ уходѣ за диковиннымъ овсомъ, а подъ утро, весь дрожавшій отъ возбужденія сползъ сосѣдъ съ наръ, долго рылся въ мѣшкѣ и бережно поднесъ Луковкину большую пригоршню овса — подарилъ.

В. В. Верещагинъ

„Передъ атакой“

В. В. Верещагинъ

„Голова зырянина“

В. В. Верещагинъ

„Старый дворецкій“

И теперь, глядя на безгранично раздавшееся поле, съ волненіемъ поминутно отстегивалъ Луковкинъ ремень сумки, забирался рукой подъ ворохъ истлѣвшаго бѣлья, и щупалъ овесь, зашитый въ маленький холщевый мѣшечекъ.

* * *

На восьмой день подъѣхали къ границѣ. Задолго до того, какъ, раскатившійся подъ гору, началъ скрипѣть, осаживая, поѣздъ, смолкло въ вагонѣ, — налѣзая другъ на друга, тревожными и ревнивыми глазами обшаривали люди каждую кочку, каждое дерево, лужицу, гдѣ, продираясь сквозь сучья, въ мелкіе слѣпящіе осколки разбивалось солнце.

Когда сталъ поѣздъ и въ тѣснотѣ и давкѣ, суется, начали складывать вещи, нѣмецъ-конвойный, съ странно отмякшимъ лицомъ, подошелъ вдругъ къ одному изъ плѣнныхъ, кинулъ руку къ каскѣ, потомъ протянулъ ее впередъ дощечкой и сказалъ коротко и жестко:

— Фидерзейнъ!.. —

Обойдя такъ всѣхъ, сталъ въ дверяхъ, отдавъ честь, стукнулъ коваными задниками короткихъ двухшовныхъ сапогъ, повернулся и спрыгнулъ на землю тяжело и упруго.

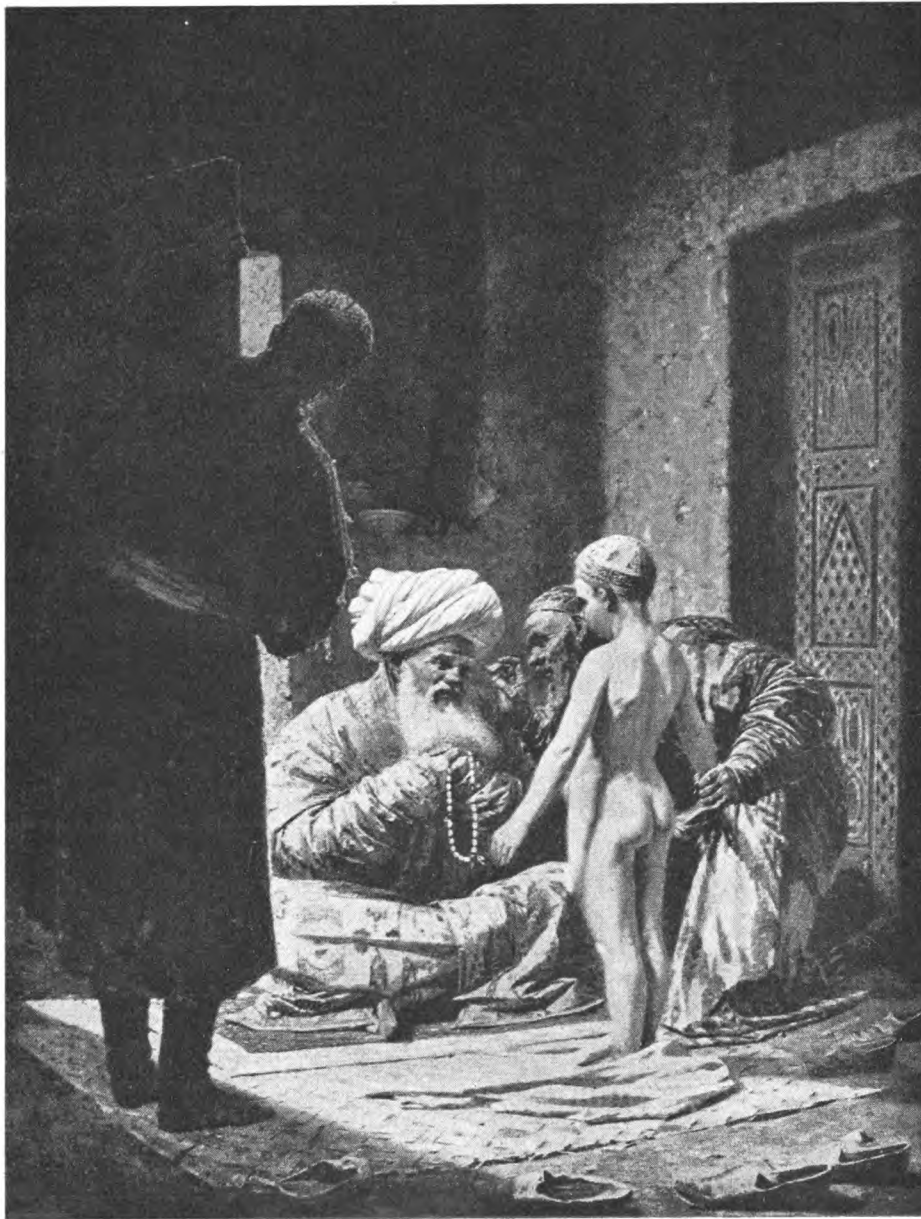
И на мгновеніе смутное что то, похожее на жалость, тронуло Луковкина.

Вечеромъ повели всѣхъ черезъ полотно и поселокъ на русскую сторону. Торопясь, спотыкаясь о рельсы, бѣжалъ Луковкинъ за остальными, жгло, колотилось больно углами въ

грудь сердце, забывало дыханіе, томило въ ослабѣвшихъ рыхлыхъ колѣнахъ. Бѣжалъ, задыхаясь, скорѣй, скорѣй — торопился на русскую сторону.

Пошелъ дождь, и какъ сквозь косыя прутья стараго вѣтника, запомнилось: черная, дымящаяся въ ночи громада разбитой станціи, освѣщенный тесовый баракъ рядомъ, мятущаяся толпа, шарахавшаяся въ стороны отъ спокойныхъ, съ каменными замкнутыми лицами, людей въ шишакахъ и въ длинныхъ — до земли — шинеляхъ съ острыми языками обшлаговъ, чьи-то вопли и баба, одной ногой ступившая на буферъ, другой, сухонькой и тонкой, похожей на лучинку, судорожно сучившая въ воздухъ.

Лежалъ на нарахъ Луковкинъ, все мерещилась ему какая то огненно-бѣлая стрѣла вверх, вела она его домой, сгоралъ онъ въ ея бѣломъ пламени. И не тревожило его ни то, что разъ на перекличкѣ солдатъ-конвойный, ударилъ больного старика-полковника, ни то, что не выпускали никого на остановкахъ, ни то, что, какъ отъ зачумленныхъ, бросались отъ ихъ вагоновъ люди. Ночами била его жестокая лихорадка-огневица, бредилъ онъ, блаженно смѣясь въ бреду, ловилъ недоуздокъ, не отпускалъ руку отъ груди — переѣхавъ границу, изъ ладонки, висѣвшей на гайтанѣ вмѣстѣ съ серебряной стершейся иконкой, выбросилъ онъ сбившуюся въ камень землю и туго набилъ ее овсомъ. Шевелился, чудилось, овесь, раз-

В. В. Верещагинъ

„Продажа мальчика-невольника“

бухаль, сырой и теплый, по бороздкѣ створками раздавалась побурѣвшая кожа, пропускающая блѣдно-желтые ростки... И съ испугомъ прислушивался Луковкинъ къ безпокойному стрекоту колесъ, боялся, что ослабѣетъ, затихнетъ онъ — замедлитъ свой бѣгъ — поворотъ земля...

Однажды вечеромъ растолкали Луковкина, подняли — еле держался онъ на легкихъ чужихъ ногахъ — нахлобучили на уши картузъ, спустили на землю и чей то голосъ крикнулъ рядомъ нетерпѣливо и зло:

— Примай арестованнаго! —

А когда поднялъ голову Луковкинъ — ослѣпило его, увидаль знакомыя, свои мѣста: маленькую станцію, мирную и безлюдную, поселокъ, похилившуюся деревянную церковку на пригоркѣ, высоко взлетѣвшее надъ колодцемъ плечо журавля. Истоиво, по-деревенски, широко крестомъ перекрестился Луковкинъ,

сталъ, пошатываясь, отмаргивая выступившія отъ рѣзкой ясности слезы. Но толкнуло больно сзади, вывизгнувъ сквозь хрипъ:

— Ну, возись тутъ, падаль!.. —

Оглянулся Луковкинъ удивленно и растерянно, покорно пошелъ впередъ черезъ переѣздъ и такъ же покорно входилъ въ станціонный пожарный сарайчикъ, надъ воротами котораго прибита была свѣжая доска съ надписью, пустившей тоненькіе усики потековъ: „аресное оделеніе для негодящихъ элиментовъ“. И, лежа на потной землѣ, въ минуты, когда прояснялась тягучая муть, думалъ Луковкинъ о томъ, что тяжелъ путь къ дому, суровы новые законы, но все надо перенести — все кончится тамъ, въ родныхъ Кутахъ...

Утромъ двое солдатъ — молодой, высокій, еще безусый одинъ, другой пожилой коренастый и веселый, мелко семенящий выворо-

ченными ступнями босых ногъ съ краю дороги, — вели въ городъ качавшагося отъ слабости Луковкина, старуху съ испытимъ, въ синякахъ, лицомъ, солдата въ шинели рясой и мѣщанина-прасола въ обвисшей поддевкѣ, рыжихъ сапогахъ въ калошахъ и маленькомъ узкополомъ картузѣ съ глухимъ козырькомъ. Мѣщанинъ шелъ рядомъ съ Луковкинымъ, лебезилъ, потиралъ руки, мелко смѣялся, вздрагивая и поеживаясь, заискивающе подбѣжалъ къ конвойнымъ и разъ, посмотрѣвъ опасливо въ темное строгое лицо Луковкина, спросилъ:

— А васъ за что, товарищъ?

Не понявъ пыливости мѣщанина Луковкинъ, отвѣтилъ:

— Домой я, въ деревню... —

Мѣщанинъ посмотрѣлъ внимательно и ухмыльнулся насмѣшливо и съ сожалѣніемъ.

Не прошли пяти верстъ — упалъ, застонавъ, Луковкинъ, замутилось въ отяжелѣвшей головѣ, подкосились сбитыя, покрывшія струпами, ноги. Подскочилъ солдатъ, размахнувшись, ударилъ тупымъ носкомъ сапога въ бокъ, заоралъ, сыпля матерной руганью. Рванулся Луковкинъ, какъ лошадь, поскользнувшаяся

на льду, и упалъ снова. Второй конвойный, широкоскулый и сѣдобровый, мягко плечомъ оттолкнулъ молодого, подхватилъ упавшаго подъмышки и оттащилъ черезъ дорогу къ широкой сажалкѣ. Зачерпнулъ воды въ пригоршню, облилъ голову, началъ тереть уши.

Очнувшись, увидалъ Луковкинъ зеленую полянку, вымытую солнцемъ, за ней чуть голубовато дымившійся въ пару лѣсъ, высокіе бѣлые пенки, широко разметавшую путаные сучья березу, уже покрывшуюся робкимъ цыплячьимъ пухомъ, приподнявшись, тянулъ внизъ — отбросила стылая вода черты давно не видѣннаго лица, худого, зеленого, обнесенные тѣнью глаза, губы въ черной коркѣ, русую молодую бороду, мелко всклубившуюся изъ-за подбородка, грудью почувствовалъ землю и — заплакалъ въ первый разъ отъ жалости къ себѣ, отъ досады и нетерпѣнія. Потомъ выросли передъ глазами широкіе болтавшіеся мѣшки штановъ, увидалъ склоненное надъ собой багровое жалостливое лицо, нескладно свисшую съ плеча коромысломъ винтовку, почувствовалъ на волосахъ жесткую руку, услышалъ:

В. В. Верещагинъ

„Въ Кремлѣ — пожаръ“

В. В. Верещагинъ

„Смертельно раненый“

— Что братишка, сморился, смякъ?.. Ахъ, ты... Ну, ничего, лежи, лежи... Откворхнись, плюнь, ишь, бьетъ то какъ трясовица... За-слабъ ты совсѣмъ... Ты откудова, городской, што-ль? —

— Съ Верхнихъ Кутовъ, я, съ подь Озерицъ...

— Съ Верхнихъ Куто-овъ?.. Гляди-поди, ды-ть я самъ Озерищенскій, съ Кузовкова... Ты чей же въ Кутахъ-то? —

— Луковкинъ я, коли слыхалъ.

— Это Кузьмы рыжаго сынъ? Во-отъ, гляди-поди... Ку-узьмы-ы... Потомъ, покачавъ головой, добавилъ:

— Ну, ничего, парень, не робь, можетъ выкрутишься какъ... —

И опять ничего за словами не понялъ Луковкинъ. Отдышавшись, поднялся и побрелъ, шатаясь, къ дорогѣ.

Когда добрались до городка, въ тяжелой дремѣ увидалъ вновь Луковкинъ кирпичную кладбищенскую, сложенную шашками, ограду, покосившіеся дома слободки, гдѣ жилъ когда то у теткы Грипы, пустыри, заборы, поваленные карточнымъ вѣромъ, на заборахъ розовыя выцвѣтшія афишки, широкую и пустынную Смоленскую улицу и самый большой въ городѣ домъ купца Свѣшникова, гдѣ помѣщалась гимназія. И какъ то не удивился тому, что ввели всѣхъ въ гимназію — было такъ, будто никуда не уѣзжалъ онъ — и успокаивающе обычнымъ показалось лицо гимназическаго сторожа Василия, придурковатаго хромого старика,

В. В. Верещагинъ

„Киргизъ съ соколомъ“

сидѣвшаго на табуреткѣ подь лѣстницей, гдѣ была раньше вѣшалка.

Привели въ большую пустую комнату съ бѣлымъ квадратнымъ пятномъ въ углу и пожелтѣвшей картой полушарій съ завившимися краями на стѣнѣ подь потолкомъ, велѣли ждать.

* * *

Подь утро, когда полегчало, услышалъ вдругъ Луковкинъ донесшійся снизу тяжелый гулкій раскатъ. Ударило еще разъ, и еще.

Въ непонятномъ испугѣ вскочилъ онъ, увидалъ передъ собой при свѣтѣ заженной кѣмъ то спички искаженные прислушивающіяся лица, схватился рукой за грудь, за ладонку и рванулся къ двери — крикнуть хотѣлъ, чтобъ пустили скорѣй, что близка его деревня и ждутъ его, некогда. Но сама отворилась навстрѣчу дверь, въ щель просунулась рука, вскинула высоко фонарь, подь фонаремъ показалось заспанное сердитое лицо Василия.

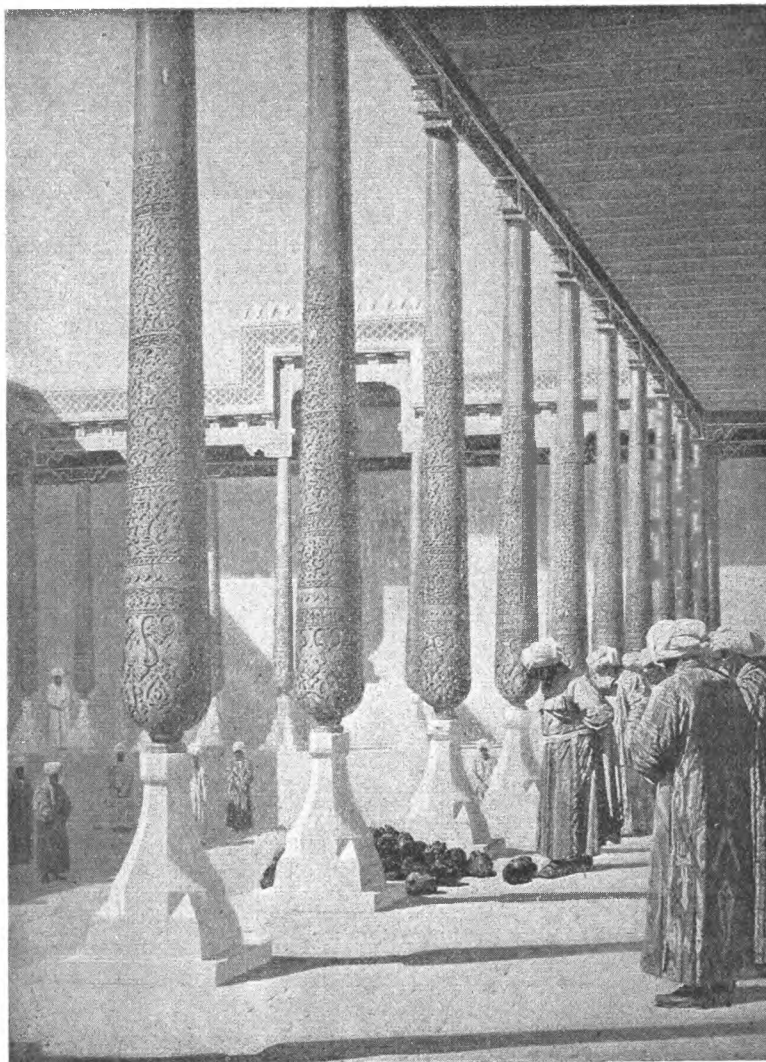
— Который тутъ вчерашній, съ офицерей? Выходи...

— Я это, я — крикнулъ Луковкинъ, оттолкнулъ ногой дверь, дрожавшими руками вцѣпился въ круглыя васьевы плечи — Я, Луковкинъ, ученикъ, помнишь, учился я тутъ?

Равнодушно, вяло сказалъ Василий:

— Можетъ, и учился... Проходи, што-ль.

— Ну, какъ же, Василий?... Да вѣдь... звонилъ ты, къ перемѣнѣ...

В. В. Верещагинъ

„Представляютъ трофеи“

— Зря, выходить, учился... А я звонилъ, а теперь, стало-ть, кончилъ... Часишки у тебя имѣются? — спросилъ онъ быстрымъ шопотомъ, и потомъ крикнулъ съ сердцемъ: — Сапоги скидай!.. Да гдѣ-жъ сапоги, ай ты безъ сапоговъ вовсе?.. Ну, иди, иди, не прохлаждайся... — и, толкнувъ въ спину, повелъ корридоромъ мимо вѣшалки внизъ, въ подвалъ, гдѣ стояли кадки съ известью, старыя парты и доски, а зимами въ закуткѣ жили васьилевы куры.

Въ дальнемъ углу открылась дверь — оглушилъ Луковкина смрадный тяжелый духъ. Первое, что увидѣлъ, войдя — коптившую лампу съ разбитымъ вверху пузыремъ, стоящую на столѣ, за лампой — чье то сѣрое худое лицо съ нечеловѣчески пустыми неподвижными глазами. На полу въ темнотѣ смутно бѣлѣли молочно — синеватыя, какъ папиросная бумага, чьи то разошедшіяся ступни. Прислонившись къ стѣнѣ, съ связанными назади руками, стоялъ громадный чело-вѣкъ, закинувшій голову такъ, что, освѣщенные снизу, носъ и отекающія щеки выступали крутой фигурной скобкой. Разсыпались крыль-

ями по спинѣ черные длинные волосы, былъ онъ босъ, въ подштанникахъ и новой, не стиранной еще, бязевой рубахѣ съ черными точками блошиныхъ слѣдовъ, жесткой и смятой на передѣ гармоникой. Около прыгаль, припадая то на одну, то на другую ногу, взъерошенный, костлявый, съ засученными рукавами, въ жилеткѣ и въ зеленомъ бархатномъ картузѣ, оралъ, тыча стоявшему въ подбородокъ револьверомъ:

— Говори, сволочь, гдѣ сокрылъ, говори, распротудышь твою въ душу мать!.. —

Неподвижно стоялъ большой, дышалъ сильно, — надувались мѣшки на шеѣ — давился, выдыхалъ со свистомъ воздухъ.

— А-а-а, мать твою... —

Захлебываясь въ визгѣ, замахнулся лохматый револьверомъ и выстрѣлилъ снизу въ лицо стоявшаго. Шлепнулось мягко, будто кочанъ капусты ударился въ стѣну, черное большое пятно выросло надъ шеей, хлынуло на рубаху. Ломаясь мягко въ поясѣ, съѣхалъ убитый по зашуршавшей рыхлой стѣнкѣ, задержался немного на корточкахъ и повалился на бокъ, выбросивъ ногу. Лохматый вытеръ потъ со лба и шагнулъ къ Луковкину.

В. В. Верещагинъ „На Шипкѣ все спокойно“

А. КУПРИНЪ

ПУНЦОВАЯ КРОВЬ

И. И. Писаревской

Въ Сень-Соверѣ, въ этомъ благоуханномъ, зеленомъ, быстроводномъ уголкѣ горныхъ Пиренеевъ, я однажды утромъ прочиталъ на базарѣ большую афишу о томъ, что:

„Въ Воскресенье 6-го Сентября 1925 г. на байонской аренѣ состоится строго-подлинная*) коррида, при участіи трехъ знаменитыхъ матодоровъ: дона Антонио Ганеро, Луиса Фрега и Никанора Віяльта, которые, въ сопровожденіи своихъ полныхъ кадрилій пикадоровъ, бандарильеровъ и пунтильеровъ, сразятся, каждый съ двумя быками и пронзятъ шпагами, въ общемъ, шесть великолѣпныхъ быковъ славной ганадеріи Феликса Морена-Арданьи изъ Севильи.“

А внизу мелкимъ шрифтомъ — шесть параграфовъ договора съ публикой:

§ 1. Коррида начнется ровно въ 4 ч. 30 минутъ пополудни.

§ 2. Въ случаѣ дождя, коррида переносится на другой день. Печатныхъ оповѣщеній объ этомъ администрація не дѣлаетъ.

§ 3. Деньги за взятые билеты не возвращаются никогда и никому.

§ 4. Выпускать лишнихъ быковъ, или замѣнять одного быка другимъ администрація отказывается.

§ 5. Ни за какіе несчастные случаи администрація не отвѣчаетъ.

§ 6. Покорнѣйше просятъ почтенную публику не баловаться (pas jouer) палками и бутылками.“

Параграфъ пятый — о несчастныхъ случаяхъ, мнѣ былъ понятенъ. У меня еще живо держалась въ памяти прошлогодняя газетная замятка о роковомъ событіи на одной изъ Мадридской корридъ. Очень извѣстный эспада*), нанося рѣшительный ударъ быку (эстокада) ткнулъ неудачно остріемъ въ кость позвонка. Шпага сломалась пополамъ.

Свободный ея конецъ съ визгомъ перелетѣлъ черезъ барьеръ, попалъ прямо въ сердце молодого зрителя изъ второго ряда и убилъ его на мѣстѣ. (Какая сила и быстрота удара!).

Смыслъ послѣдняго параграфа я постигъ дня два спустя, когда воочию убѣдился, до какого стихійнаго напряженія могутъ достигать страсти десяти-тысячной толпы. Тогда же повѣрилъ я отъ всего сердца тѣмъ заниматель-

*) intégralement formelle.

*) по-испански шпага. Такъ чаще называютъ матадоровъ.

нымъ исторіямъ, которыя мнѣ вечеромъ, наканунѣ корриды, рассказывалъ, за чашкою чая съ флеръ-д'оранжемъ, хозяинъ гостиницы „Святого Духа“ въ Байонѣ, почтенный г. Пинья, крѣпкій южанинъ съ серебряной головой и съ юношескимъ огнемъ въ черныхъ глазахъ, глубоко сидящихъ по сторонамъ величественнаго краснаго носа.

* * *

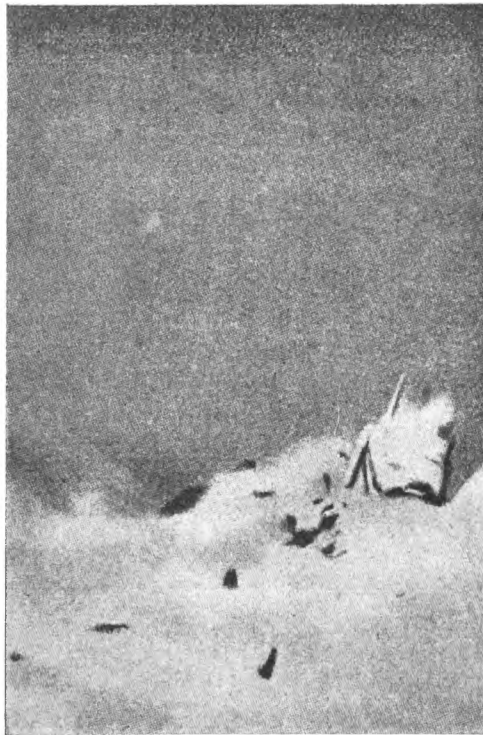
„Байонская арена окончилась постройкой въ 1852-мъ году. Несомнѣнно, это былъ царственный широкий, хотя и противузаконный даръ пылкой испанкѣ, Евгении Монтихо, отъ ея августѣйшаго супруга. Начиная съ 1853-го года, императорская чета присутствовала неизмѣнно на всѣхъ особенно громкихъ корридахъ, гдѣ блистали высокимъ искусствомъ матадоры, Кюшаресъ, Эл-Тато, Санъ, Мора и другіе знаменитые эспада. Многіе изъ нашихъ стариковъ до сихъ поръ еще помнятъ императрицу Евгению, которая, легко облокотясь на красно-бархатный барьеръ ложи и обмахиваясь быстрыми движеніями вѣера, глядѣла съ очаровательной улыбкой на кровь, на смерть, на отвагу и на красоту корриды. Вся блестящая знать III Имперіи сопровождала своихъ монарховъ на байонскую арену. Въ переполненномъ амфитеатрѣ можно было узнать такихъ изысканныхъ литераторовъ, какъ Теофиль Готье де-Кармененъ, Поль де Сень-Викторъ, Амеде Ашаръ и Просперъ Мериме. Въдь это Теофиль Готье опредѣлилъ однажды бой быковъ, какъ самое великолѣпное зрѣлище въ мірѣ, которое только онъ видѣлъ“.

— Подождите мой другъ,—сказалъ г. Пинья,—я сейчасъ покажу вамъ очень рѣдкую вещь, программу 54-го года, одну изъ тѣхъ программъ, что печатались спеціально для императорской ложи.

Онъ пошелъ, досталъ откуда то изъ подъ прилавка небольшую перламутровую шкатулку, принесъ ее, раскрылъ и вынулъ изящную афишку, напечатанную чудеснымъ стариннымъ шрифтомъ на розовомъ муарѣ съ вырѣзаннымъ кружевомъ и съ наполеоновскимъ одноглавымъ орломъ наверху.

* * *

Я съ умиленіемъ разсматривалъ этотъ прелестный лоскутокъ, которому было 70 лѣтъ, а хозяинъ продолжалъ говорить. Странно: у байонскаго трактирщика были утонченные,

В. В. Верещагинъ „На Шипкѣ все спокойно“

аристократическіе взгляды на благородное искусство тавромахіи.

Этому великому искусству больше тысячи лѣтъ. Не изъ за денегъ, а ради рыцарской славы и улыбки прекрасной дамы, ему служили знатнѣйшіе гранды Испаніи и первымъ между ними былъ любимый герой народной легенды Сидъ Кампеодоръ. Верхомъ на боевомъ конѣ онъ сражался, одинъ на одинъ, съ дикимъ быкомъ и закалывалъ его на смерть своимъ тяжелымъ копьемъ.“

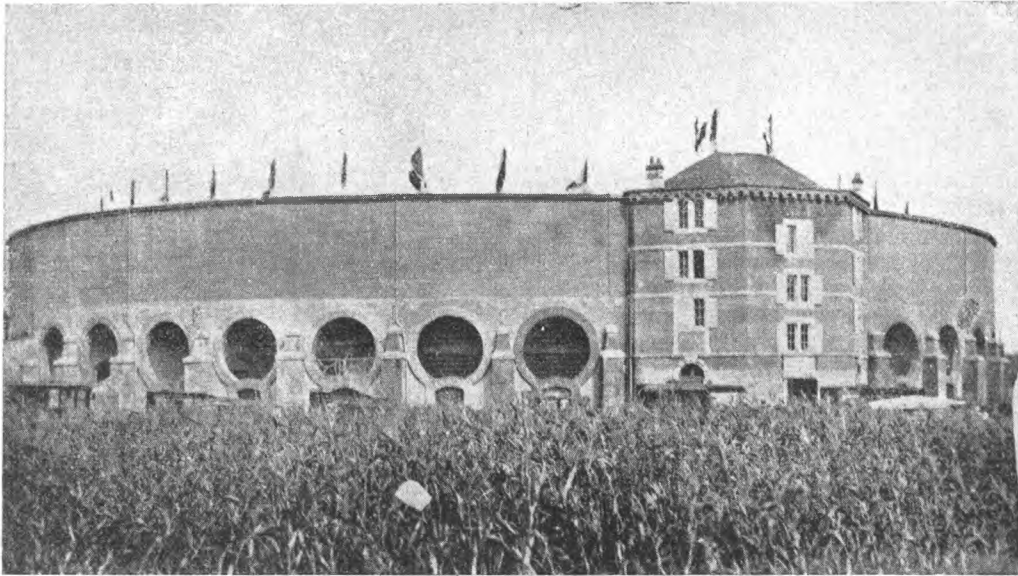
„Потомъ эта рыцарская игра стала платнымъ зрѣлищемъ для толпы. Грандовъ замѣнили спеціалисты-мотадоры, выходящіе противъ быка пѣшими со шпагою въ 90 сантиметровъ длиною. Страшный ударъ копья съ высоты сѣдла отошелъ въ область преданій, да у современныхъ людей уже и

не хватило бы силы и ловкости его нанести. Лошадь теперь участвуетъ въ корридѣ лишь въ силу многолѣтней традиціи и для удовлетворенія жажды крови“.

„Но у мотадоровъ было свое классическое время. Посмотрите внимательно на эту старую афишу. На ней указано имя каждаго изъ быковъ, и ихъ имена стоятъ впереди именъ мотадоровъ и членовъ изъ кадрили. Это была джентльменская вѣжливость къ опасному и почетному противнику, потому что послѣдній короткій бой между быкомъ и эспадой ведется честно и открыто, и ни одинъ, даже самый прославленный торреро, никогда не бываетъ увѣренъ въ томъ, что сегодня его не понесутъ съ песка арены ногами впередъ.“

„Въ тѣ времена, еще совсѣмъ недалекія отъ насъ, требовалось, чтобы эспада убилъ своего быка лицомъ къ лицу, прямо, безстрашно, правильно и красиво. Но постепенно низкій уровень толпы, ея грубые кровожадные вкусы, а, въ особенности, холодное любопытство англичанъ, принудили лучшихъ мотадоровъ прибѣгать къ рискованнымъ фокусамъ, къ жуткому заигрыванію со смертью. Я не хочу сказать, что это ежеминутное скольженіе на волосокъ отъ гибели не заключаетъ въ себѣ безумной отваги, но я думаю, что прекрасное искусство тавромахіи существуетъ для насыщенія стойкихъ и твердыхъ душъ, а не для щекотанія притупленныхъ и избалованныхъ нервовъ. Храбрость должна быть горда и добра, а не услужлива.“

„Такъ думаемъ мы, старые и вѣрные почитатели корриды. Вотъ, завтра вы увидите

Байонская арена

Никонора Вияльта. Онъ Вияльта — одинъ изъ рѣдкихъ нынѣ представителей классическаго метода. Мы спокойные знатоки, его высоко цѣнимъ, но онъ не для большой публики. Въ прошломъ году, на одной изъ блестящихъ Мадридскихъ corridos, онъ убилъ подрядъ двухъ своихъ быковъ съ такой простотой, съ такимъ изяществомъ, и съ такой математической точностью, какихъ давно не видали понимающіе люди. Вы, конечно, знаете, въ чемъ заключается высшая награда мотадору? По рѣшенію судей, у убитаго быка отрѣзаютъ правое ухо и торжественно подносятъ его особенно отличившемуся побѣдителю. Такъ вотъ всѣ знатоки и настоящіе любители corridos требовали, чтобы этотъ лестный подарокъ былъ присужденъ Никанору Вияльту. Но въ составѣ судей преобладали, вѣроятно, поклонники стиля модернъ. Они не поняли всего того совершенства, съ которымъ работалъ Вияльта и отказали. Тогда представители прессы, сложившись, поднесли черезъ нѣсколько дней, образцовому эспада бычачье ухо, сдѣланное изъ чистаго золота“.

— Конечно, — продолжалъ Пинья, — протягивая мнѣ портсигаръ съ тонкими сигаретками, — конечно, это злоупотребленіе эффектными трюками явленіе временное и мода на нихъ можетъ также легко уйти, какъ и пришла. Классическая corrida со своимъ почти религиознымъ строгимъ порядкомъ не исчезнетъ до тѣхъ поръ, пока существуетъ Испанія. Вѣдь не даромъ же испанскій національный флагъ состоитъ изъ двухъ цвѣтовъ желтаго и краснаго: это неизмѣнный песокъ арены и проливаемая на немъ тысячу лѣтъ кровь.

— Впрочемъ и Байона крѣпко держится за традиціи арены. Лѣтъ шесть, а можетъ быть и восемь тому назадъ, французское гуманное правительство рѣшило совсѣмъ искоренить

бои, включающіе mise a mort (смертный исходъ) для быковъ и лошадей. Тамъ, на сѣверѣ, эта игрушечная corrida, гдѣ быкъ считается пораженнымъ, если ему успѣли налѣпить кокарду между роговъ, привились безъ ропота, но и безъ особаго интереса, среди анемичныхъ французовъ. Здѣсь же, на югѣ живетъ слишкомъ много испанцевъ, итальянцевъ и басковъ, въ жилахъ которыхъ быстро бѣжитъ красная горячая кровь. Слухи о введеніи вегетаріанской corridos, правда, у насъ носились задолго, но всѣ отъ нихъ только презрительно отмахивались, какъ отъ явнаго вздора. Но однажды, въ августѣ, афиши вышли съ объявленіемъ, что corrida состоится безъ смертельнаго конца. Однажды, никто этому не повѣрилъ, и арена была, какъ всегда, переполнена сверху до конца. Но когда публика убѣдилась въ отсутствіи лошадей и когда украшеннаго кокардой быка стали загонять обратно за кулисы, — толпа пришла въ негодованіе и устроила скандалъ, неслыханный и невиданный за все семидесятилѣтнее существованіе байонской арены.

— Забава съ палками и бутылками, — спросилъ я лукаво.

— О, гораздо серьезнѣе. Толпа такъ ревѣла, что слышно ее было на вокзалѣ за четыре километра. Растерянная администрація вызвала полицію. Это окончательно взбѣсило ослѣпленныхъ яростью южанъ. Мгновенно все, что находилось въ зданіи арены деревяннаго — скамейки, спинки, перегородки, барьеры, стулья, столбы, перила, перекладины — все было вырвано и переломано на куски. Сложили огромный костеръ на серединѣ арены, облили его керосиномъ и зажгли. Я теперь не помню, какими мѣрами удалось прекратить народное возмущеніе, которое уже начало разливаться по улицамъ. Цѣлую ночь напролетъ

бодрствовали военные наряды и пожарная команда. Страшный был день.

— Воображаю, — согласился я.

А г. Пинья прибавил:

— Но зато теперь наша арена — сплошь изъ камня и желѣза. Ее не сожжешь.

* * *

Я уговорился съ моими русскими друзьями, ночевавшими въ Біаррицѣ, встрѣтиться въ моей гостиницѣ заблаговременно, часовъ около двухъ съ половиной, а, если возможно, то и пораньше, чтобы поспѣть до начала и видѣть съѣздъ. Но напрасно я ихъ ждалъ на террасѣ до трехъ, и до трехъ съ половиной и до четырехъ безъ четверти. Мимо меня отъ вокзала проѣхалъ верхомъ на огромной гнѣдой клячѣ, въ необыкновенно высокомъ деревянномъ сѣдлѣ, о двухъ торчащихъ лукахъ, пикадоръ. На немъ была черная, лакированная, тяжелая шляпа съ широкими полями, укрѣпленная подъ подбородкомъ ремнемъ, курточка, сплошь унизанная, какъ кольчуга, красными камушками изъ поддѣльнаго граната, и толстой кожи, желтые сапоги отъ ступни до бедеръ. Мнѣ очень понравилось его румяное и чернобровое, серьезное, несмотря на молодость, лицо съ узкими дорожками бакенбардовъ, идущихъ отъ висковъ. Тутъ я почувствовалъ, что мнѣ пора идти и притомъ не лѣнясь. Милый г. Пинья проводилъ меня крѣпкимъ рукопожатіемъ и пожеланіемъ доброй корриды. Самъ онъ ждалъ своихъ знакомыхъ, которые должны были заѣхать за нимъ въ коляскѣ.

Мнѣ ни у кого не надо было спрашивать дорогу къ аренѣ. Вся Байона шла туда по широкимъ улицамъ, по прекраснымъ мѣстамъ черезъ Адуръ и Гавъ-де-По. Нетерпѣніе охватило меня и я часто перегонялъ пѣшеходовъ. Помню просторную зеленую отъ травы площадь, по которой многочисленными радіусами стекались люди, все къ одному пункту, къ станціи электрическаго трамвая. Послѣ станціи шелъ поворотъ въ узкую улицу, гдѣ стало уже тѣсно, потому что въ нее вливается также дорога, соединяющая роскошный Біаррицъ, этотъ вѣчный пріютъ скучающихъ милліардеровъ, со скромной Байоной. Безчисленное количество сверкающихъ роль-ройсовъ, шикарныхъ лимузиновъ и другихъ гордыхъ „собственниковъ“ автомобилей протискивались сквозь толпу, уплотняя ее и прижимая къ стѣнамъ и заборамъ. Такъ въ пыли, въ душной человѣческой гущѣ, оглушаемый рывканьемъ моторовъ, я добрался наконецъ до голаго загороднаго выгона, на которомъ увидѣлъ арену.

Это — гигантское круглое зданіе безъ крыши, занимающее столь огромное мѣсто на землѣ, что несмотря на высоту его стѣнъ, оно кажется приземистымъ. Окраска его невыразительно красная, съ тѣмъ ржавымъ желтоватымъ оттѣнкомъ, какой принимаетъ высыхающая кровь. Вынесенное за городъ, окруженное низкой пыльной притоптанной травой съ одной стороны и колючими ожинками куку-

рузы съ другой, оно производитъ будничное, одинокое, унылое и скупое впечатлѣніе, точно городская бойня, резервуаръ газового завода или главная нефтяная цистерна. Надъ ея стѣною, по всей окружности, тихо шевелятся на высокихъ бревнахъ красно-желтые испанскіе флаги. вмѣсто оконъ — рядъ круглыхъ большихъ отверстій, сквозь которые видны ступени сѣрыхъ каменныхъ лѣстницъ. Внутрь арены ведутъ восемь зіяющихъ темнотою арокъ, обозначенныхъ литерами; въ нихъ непрерывно льются черные человѣческія потоки.

Нашу литеру Б. я отыскиваю скоро и безъ труда. Одинъ изъ моихъ друзей уже прошелъ и стоитъ сзади контроля. О времени и мѣстѣ нашей встрѣчи онъ забылъ и слегка журить меня за опозданіе. Третій компаньонъ забѣжалъ по дорогѣ на телеграфъ и сейчасъ явится.

Смотримъ на часы: безъ двухъ минутъ половина этаго. — „Не волнуйтесь и не горячитесь“ — успокаиваетъ меня пріятель.

— „Сложное представленіе на открытомъ воздухѣ да еще на югѣ. У насъ въ запасѣ вѣрныхъ четверть часа“. И правда: у меня ноги горятъ и сердце бьется отъ страстнаго нетерпѣнія. Увидѣть бой быковъ — моя пламенная мечта съ пятнадцати лѣтъ.

Уже мое настороженное ухо ловитъ мѣдныя глухіе звуки марша, когда появляется третій компаньонъ. Онъ, видите-ли, былъ увѣренъ, что наша литера — F, и ждалъ насъ все время въ соотвѣтствующей аркѣ. Мы немножко ссоримся по этому поводу. (О, Калуга! О, Тамбовская губернія!), но все-таки торопливо бѣжимъ по корридору. Третій другъ — спасибо ему — человѣкъ съ опытомъ: на ходу онъ успѣваетъ взять на прокатъ три подушки, набитыя сѣномъ, по франку штука. Мы находимъ свою каменную лѣстницу, страшно крутую и узкую какъ щель. Медленно поднимаемся наверхъ въ серединѣ ползущей сплошной человѣческой гусеницы. Сворачиваемъ на открытый балконъ и передъ нами открывается песчаная арена.

Опоздали! Церемоніальное прохожденіе всѣхъ кадрилій окончилось. Мы застаемъ только уходящій хвостъ, состоящій изъ упряжныхъ вороныхъ муловъ въ красной сбруѣ и пеоновъ третьяго разряда, въ красныхъ блузахъ, съ головами туго обвязанными красными платками. Отыскиваемъ свои номера, напечатанные черными цифрами прямо на каменныхъ сидѣніяхъ изъ темно сѣраго шершаваго камня, кладемъ подушки и садимся на нихъ.

Половина амфитеатра въ глубокой тѣни, половина на яркомъ свѣту. Круглая арена раздѣлена на двое тонкой и кривой, какъ лезвіе серпа линіей: справа песокъ горитъ точно чистое золото, слѣва на немъ лежитъ черно-голубой воздушный покровъ. И какъ теперь прекрасна, какъ она сказочно великолѣпна — эта столь нелюбимая мною толпа, тѣсно залившая, облѣпившая ложи, балконы, гроденъ и всѣ проходы.

Солнечная сторона переливается всѣми цвѣ-

тами и оттѣнками радуги, и вся она въ непрестанномъ движеніи, колыханіи, трепетѣ. Быстро-быстро машутъ невидимыя руки вѣрами и программами. Нѣтъ сравненій, что-бы передать эту упоительную, волшебную игру красокъ. Какъ будто бы миллионный рой бабочекъ—голубыхъ, бѣлыхъ, синихъ, лиловыхъ, красныхъ, желтыхъ, черныхъ, коричневыхъ, фіолетовыхъ, зеленыхъ, малиновыхъ, оранжевыхъ и розовыхъ спустился вдругъ на высокую гору, покрылъ ее всю и, услаженный солнцемъ, радостно бѣтается въ воздухѣ и дрожитъ своими легкими, полупрозрачными крылышками. Тѣневая сторона гуще и глубже окрасками. И она почти неподвижна. Она похожа, по моему, на тѣ роскошные французскіе цвѣтники партеры, въ которыхъ на обширномъ пространствѣ, тѣсно перемѣшаны въ восхитительномъ безпорядкѣ цвѣты всѣхъ формъ и всѣхъ красочныхъ тоновъ. На солнечномъ полуамфитеатрѣ я видѣлъ лишь горячія ослапительныя пятна, здѣсь, мнѣ кажется, я вижу тончайшія линіи, мельчайшіе узоры. И съ нѣжной признательностью я пью глазами эту живую несравненную прелесть.

Надъ нами высоко распростиралось блѣдно-сапфировое небо. Какъ чистъ воздухъ! Вонъ вверху, на самой стѣнѣ стоитъ отдѣльный чело-вѣкъ. Онъ мнѣ кажется, на широкомъ фонѣ неба, маленькимъ, какъ обычная типографская буква, но съ поразительной точностью я схватываю всѣ очертанія его фигуры.

Мы помѣстились очень хорошо. Прямо передъ нами арка, откуда показываются быки; надъ нею узкая печатная вывѣска: „Cuadrilla de Ganero“. По лѣвую руку — высоко расположенная судейская ложа. По правую — входъ для мотадоровъ и членовъ корриды.

Ложы всѣ построены высоко надъ землею. Кромѣ того онѣ отдѣлены отъ песка сплошнымъ краснымъ барьеромъ, почти въ человѣческій ростъ. Такимъ образомъ, между ложами и ареной идетъ круговой корридоръ.

* * *

Изъ правыхъ дверей выѣхали два всадника на вороныхъ коняхъ въ черныхъ средне-вѣковыхъ одеждахъ съ позументами и кружевами, въ высокихъ черныхъ шляпахъ съ черными страусовыми перьями. Одинъ изъ нихъ, высокій и худой, сидѣлъ на долговязой тощей лошади; другой — толстый и короткій — имѣлъ подъ собою маленькую жирную и, кажется, жеребую кобылу. Это были алыгвизилы. Можетъ быть, они изображали безсмертныхъ испанскихъ героевъ Донъ-Кихота и Санчо-Пансу? За ними, немного въ сторонѣ и сзади, ѣхалъ, сдерживая строгимъ мундштукомъ статную, горячую, красивую, свѣтлую рыжую лошадь, Донъ-Ганеро, первый, по очереди, изъ нынѣшнихъ мотадоровъ, бывшій капитанъ королевской кавалеріи. Онъ весь въ черномъ шелкѣ, только голова его обвязана клѣтчатымъ розовымъ платкомъ, кончики котораго торчатъ наружу ушками изъ подъ чернаго берета, и это,

представьте, вовсе не смѣшно, а наоборотъ, мужественно и красиво.

Я не успѣлъ замѣтить, что такое дѣлали алыгвизилы у барьера, подъ судейской ложей. Я видѣлъ только, какъ, повернувъ лошадей, они медленно и торжественно пересѣкли арену и скрылись за барьерною дверью. Не получили-ли они ключей отъ помѣщеній, гдѣ содержатся быки?

Донъ-Ганеро сдѣлалъ вслѣдъ за ними кругъ по аренѣ. Онъ заставлялъ свою лошадь: то идти испанскимъ шагомъ, высоко закидывая въ воздухъ переднія ноги, то подниматься, черезъ шагъ, на дыбы. Публика безмолвствовала. Это она привыкла видѣть въ каждомъ плохонькомъ циркѣ. Она ждала дальнѣйшаго, зная, что донъ-Ганеро, вопреки традиціи, или, вѣрнѣе, по великой традиціи Сиды-Камнеодора не признаетъ ни работы пикадоровъ, ни зрѣлища распоротыхъ лошадиныхъ животовъ.

Двое его бандерильеровъ показали на аренѣ съ ярко пунцовыми плащами, перекинутыми черезъ руки. Раскрылись прямо передъ нами барьерныя двери и вышелъ, именно не выскочилъ, большой, черный, рогастый и очень равнодушный быкъ. Ослапленный солнцемъ, изумленный непривычной обстановкой, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, остановился и, внезапно повернувшись спиною къ публикѣ, неторопливой рысцой направился обратно къ выходу. Но двери уже были замкнуты. Подбѣжавшіе бандерильеры стали дразнить его своими пунцовыми плащами. Тогда онъ, нѣсколько живѣе, перебѣжалъ вкось арену, ткнулся въ барьеръ, подумалъ и всталъ, какъ собака, на заднія ноги, упираясь передними въ стѣнку. Публика сдержанно засмѣялась. Бандерильеры опять отвлекли его на середину арены. Но быкъ, по видимому, рѣшилъ во что бы то ни стало вернуться домой. Сдѣлавъ лѣнливую и неудачную попытку боднуть одного изъ бандерильеровъ, онъ сразу понесся галопомъ къ тому же самому мѣсту барьера и вдругъ съ необыкновенной легкостью, мягко и беззвучно черезъ него перепрыгнулъ, вызвавъ нѣсколько случайныхъ женскихъ вскриковъ.

Пеоны съ головами, обвязанными красными платками, засуетились въ корридорѣ. Прошла минута, и быкъ снова появился во входныхъ дверяхъ.

Теперь миролюбіе и разсудительность покинули его. Увидавъ вблизи себя развѣвающимся яркій плащъ, онъ кинулся на него со склоненными низко рогами и ударилъ. Но плащъ въ то же мгновеніе метнулся, вскинулся въ воздухъ и исчезъ, а съ другой стороны уже дразнилъ его налившіеся кровью глаза новый плащъ, который стелился и змѣился по землѣ.

Дону Ганеро подали изъ за барьера его специальную бандерилью, длиною почти съ копье, и онъ свободнымъ галопомъ помчался на быка. Быкъ увидѣлъ это и, глухо заревѣвъ, бросился въ атаку. Но почти наскочивъ на животное, почти коснувшись его, донъ Ганеро сдѣлалъ

на скаку крутой ловкій вольтъ. Ударъ быка пришелся въ пустую. Увидѣвъ снова лошадь и всадника, быкъ кинулся ихъ преслѣдовать, но не могъ догнать и повернулъ въ сторону, чтобы броситься на людей съ плащами. Но ловкій и быстрый Ганеро уже опять крутился около него и, вдругъ, уловивъ моментъ, съ такою силою вонзилъ ему въ затылокъ бандерилью, что она вошла глубоко подъ кожу и застряла въ ней, раскачиваясь при каждомъ движеніи быка. Отъ боли быкъ обернулся назадъ, сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ вокругъ себя, точно стараясь схватить зубами досадный раздражающій предметъ, и опять заревѣлъ.

Эта тонкая, ловкая и жуткая игра велась долго, и... какъ странно вела себя, глядя на нее, взыскательная публика. Въ ней все время раздавался тихій, вѣжливый, но упорный свистъ. Это свистали дону Ганеро, какъ отступнику отъ традиціи, освященной вѣками. Но каждый его ловкій и дерзкій маневръ, каждый мѣткій ударъ встрѣчался дружными аплодисментами.

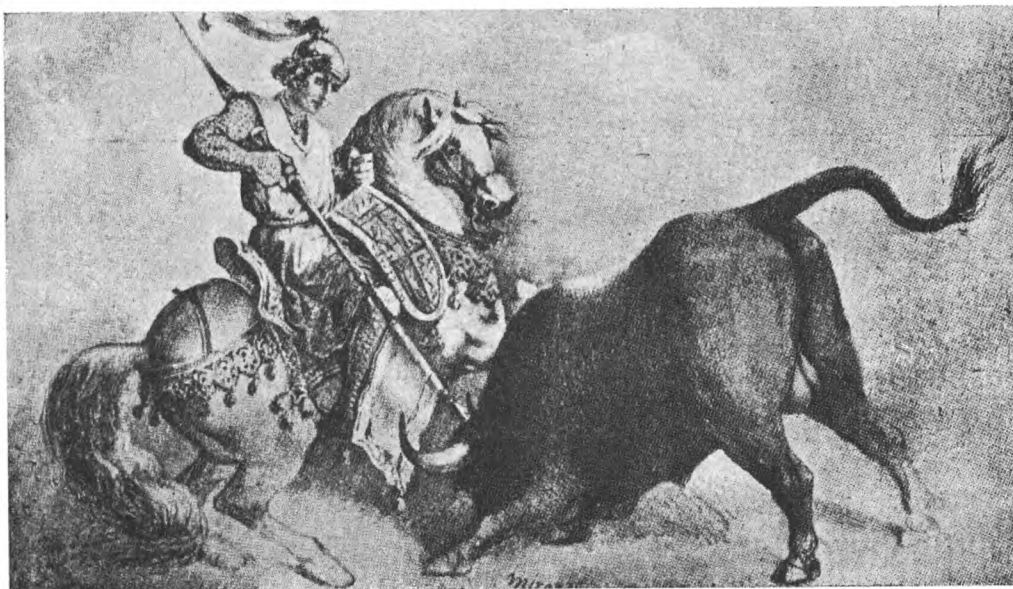
Морда у быка уже опѣнилась и черная шея покрылась потоками крови, которая на черной шерсти — влажной и блестящей — казалась не красной, а темно и густо-пунцовой. Заунывный звукъ трубъ пронесся откуда то сверху. Сигналъ возвѣщающій смерть быку, или...

Донъ Гонеро спѣшился и подошелъ къ барьеру, подъ судейской ложей. Ему подали шпагу и красную мулету. Быкъ былъ подведенъ бандерильерами совсѣмъ близко. Послѣ нѣсколькихъ пріемовъ донъ Ганеро ударилъ, но неудачно. Только послѣ второго удара быкъ, спустя нѣкоторое время, упалъ. Откуда то появился специальный быкоубійца — пунтилеро — съ короткимъ кинжаломъ въ рукѣ. Онъ склонился надъ быкомъ, нанесъ быстрый ударъ въ затылокъ и быкъ растянулся на пескѣ, пятная его пѣной и кровью.

Изъ барьерныхъ воротъ пеоны вывели пятерку прекрасныхъ вороныхъ муловъ, красная упряжь которыхъ оканчивалась массивнымъ желѣзнымъ крюкомъ. Почувявъ кровь, нервные мулы долго артачились и бѣсились, пока не удалось слугителю зацѣпить крючекъ за шею, и черную тяжелую тушу рысью потянули встревоженные мулы за кулисы. Ничего жалкаго, или некрасиваго не было въ мертвомъ быкѣ. Низменными и противными мнѣ показались всѣ движенія человѣка, dokonчившаго его жизнь кинжаломъ.

* * *

Не существуетъ болѣе дѣловаго и точнаго зрѣлища, чѣмъ коррида. Въ ней нѣтъ мѣста ни вступленіямъ, ни объясненіямъ, ни антрактамъ, ни задержкамъ. Только что уволокли трупъ перваго быка и пеонъ едва успѣлъ заровнять граблями слѣды крови на пескѣ, какъ изъ отворенныхъ воротъ быстро выбѣжалъ второй быкъ. Онъ былъ немного меньше ростомъ, чѣмъ предыдущій, но легче его, суше и ладнѣе; тоже черной масти, переходящей на крупѣ въ сѣро-желѣзныя дѣвѣты. Быкъ не дожидался нападеній, а нападалъ самъ, обнаруживая большую энергію и увертливость. Первую бандерилью донъ Ганеро, сидя уже на новой свѣжей лошади, воткнулъ въ него неудачно. Она подержалась нѣсколько секундъ и упала. Быкъ остановился, медленно нагнувъ до земли голову, понюхалъ окровавленное острие и въ бѣшенствѣ сталъ взрывать песокъ передними ногами. При этомъ онъ ревѣлъ, и въ его ревѣ — негромкомъ, но чрезвычайно глухомъ и низкомъ — слышалась сдержанная, сжатая, злобная угроза. И какъ только мелькнулъ передъ его глазами донъ Ганеро на лошади, быкъ тотчасъ же полетѣлъ за ними вдоль барьера, не отставая ни на вершокъ.

Сидъ Кампеадоръ убиваетъ быка (старая гравюра)

Весь амфитеатръ ахнулъ, когда, наконецъ, полнымъ карьеромъ настигнувъ лошадь, быкъ успѣлъ толкнуть ее рогами въ задъ, но толкнулъ не остріемъ, а бокомъ. Вотъ когда я увидѣлъ, воистину, „коня блѣднаго“. Лошадь подъ дономъ Ганеро вообще горячилась, и ея шея, тамъ, гдѣ она соприкасалась съ поводьями, была слегка взмылена. Но послѣ толчка, нанесеннаго быкомъ, она сразу вся покрылась бѣлой пѣною, и донъ Ганеро долженъ былъ ускатъ въ корридоръ, чтобы пересѣсть на третьяго коня.

Надъ этимъ подвижнымъ быкомъ было тяжело работать. Кавалеръ-мотадоръ сдѣлалъ много промаховъ, пока не вонзилъ трехъ бандерилій. И убить себя быкъ далъ не легко. Поверженный вторымъ ударомъ шпаги, онъ

упалъ на землю и нѣкоторое время лежалъ на животѣ, подогнувъ подъ себя переднія ноги. И Пунтиллеро уже подходилъ къ нему со скрытымъ въ складкахъ одежды кинжаломъ, и уже нагибался надъ нимъ предательскимъ движеніемъ Яго... Но быкъ вдругъ однимъ толчкомъ вскочилъ на всѣ четыре ноги и съ такой неожиданной, бѣшенной яростью бросился на окружающихъ его враговъ, что они разсыпались въ разныя стороны. Публика разразилась единодушнымъ взрывомъ аплодисментовъ. Но силы уже оставили это достойное, храброе животное, оно снова упало и повалилось на бокъ. Его прикончили.

(Продолженіе слѣдуетъ)

А. Купринъ

АГЛАЯ ГАМАЮНЪ

ГОЛУБАЯ НИТЬ

Закатный часъ расцвѣлъ пожаромъ,
Мой духъ дремотный онъ зажегъ,
Я разлучиться хочу со старымъ
И сдѣлать мѣткимъ судьбы прыжокъ.

Судьбинной волей завладѣвая,
Направить вѣрно ходъ челнока,
Пусть будетъ, бодрствующе-живая,
Неутомима моя рука.

Ты говорилъ, что я крылата,
Но ты ошибся, милый братъ,
Ты, сбросивши земныя латы,
Былъ непокорностью крылатъ.

Черемухой разлука дышетъ,
Вкусъ горько-нѣженъ терпкихъ слезъ,
О, я умѣю смѣхомъ вышить
Замученный и злой вопросъ.

Смерть ранняя мнѣ суждена.
И знаю, растоптавъ тревогу,
Какъ Вы, въ мой смѣхъ войдетъ она
Походкой властною и строгой.

Скрыть, опустивъ рѣсницы,
Сновъ голубую нить,
Все, что въ душѣ таится,
Пѣсней освободить.

Зная, — близка утрата,
Слушать весенній зовъ.
Счастье мое крылато
Свѣтлымъ восторгомъ сновъ.

Завѣты тѣ осуществляю я,
Я не потуплю гордый взглядъ,
И буду зорко жить, ликуя,
И въ каждомъ мигѣ чуя кладъ.

Пора! и манить впередъ дорога,
Свой посохъ, нѣжность, приготовь.
Вдали торжественно и строго
Твой свѣтъ виднѣется, — Любовь.

А я, походкою нѣмою,
Иду въ разсвѣтъ, межой минутъ,
Вдоль поля горечи и зноя,
Что люди нѣжностью зовутъ.

Тоска въ душѣ, усталость въ тѣлѣ,
Изъ стоновъ пѣсню сны куютъ,
Чтобъ крыльями рѣсницы пѣли
Ту радость, что уста поютъ.

Какъ Вы, нѣжна усмѣшкой глазъ
И недовѣрчива къ хотѣньямъ.
И встрѣчу, какъ встрѣчала Васъ,
— Восторгомъ перевоплощенья.

Пусть напѣвы несложны,
Радость моя проста,
Взглядъ бережетъ осторожно
То, что дарятъ уста.

Аглая Гамаюнъ

А. Фольцъ. Фонтанъ передъ Нац. оперой въ Ригѣ

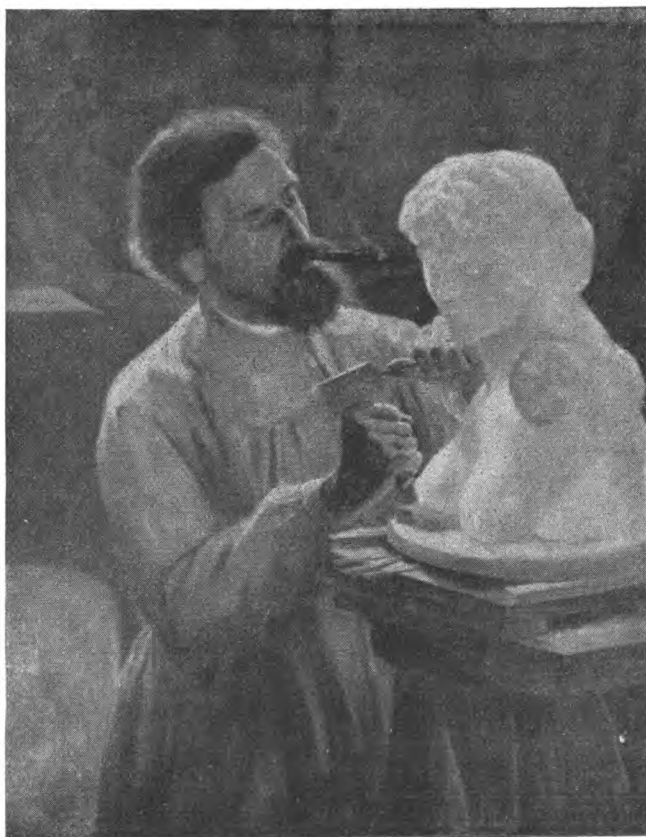
А. Фольцъ Бюстъ художницы Борхертъ-Швейнфуртъ

СКУЛЬПТОРЪ АВГУСТЪ ФОЛЬЦЪ

(Къ его пятидесяти-
лѣтнему юбилею)

Авг. Фольцъ родился 27 февраля 1851 г. въ Магдебургѣ. Первоначальное образование получилъ у мѣстнаго скульптора Гапса (Habs). Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ подъ руководствомъ Альб. Вольфа въ Берлинской академіи художествъ и практическихъ занятій на нѣкоторыхъ монументальныхъ зданіяхъ г. Берлина, молодой 24-хъ лѣтній Фольцъ переезжаетъ въ Ригу.

Здѣсь исполнено имъ множество виднѣйшихъ декоративныхъ украшеній какъ въ Ригѣ, такъ и въ провинціи, особенно въ бывшихъ помѣщичьихъ замкахъ (въ Вайнденѣ, Марценѣ, Яунъ-Гульбенѣ и др.). Изъ рижскихъ его работъ назовемъ: фигурную группу надъ фасадомъ Го-

В. Коръ

родского музея, двухъ атлантовъ Национальнаго театра, женщину-фонтанъ передъ Национальной оперой, рыцаря Роланда на Ратушной площади, скульптурныя украшенія дома Черноголовыхъ (реконструкція), дверныя атланты зданія бывшего дома „Улей“ и мн. др. Фольцъ принималъ также участіе и въ скульптурныхъ работахъ Православнаго Кафедральнаго собора. Много могильныхъ памятниковъ воздвигъ онъ на рижскихъ и провинціальныхъ кладбищахъ.

Кромѣ фасадныхъ и декоративныхъ украшеній А. Фольцъ удѣляетъ вниманіе портрету и салоннымъ фигурамъ предназначеннымъ для отливки въ бронзѣ.

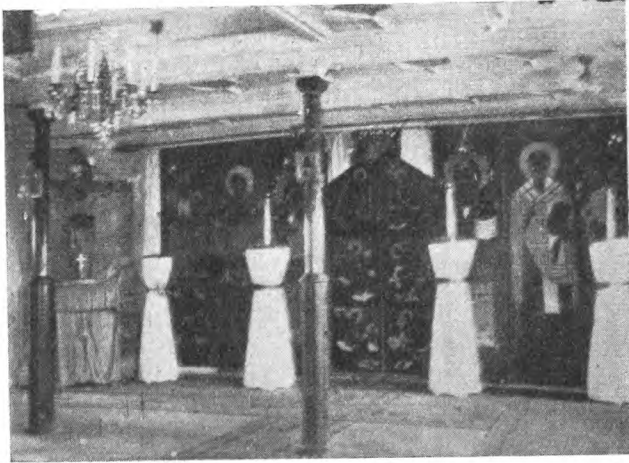
Не взирая на преклонные годы Фольцъ очень бодръ и трудолюбивъ. — Да будетъ осень жизни богата счастьемъ труда и отдыха.

А. П.

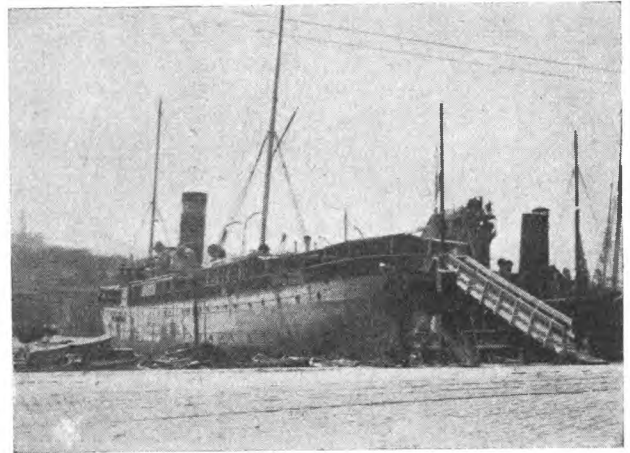
Портретъ А. Фольца

ПО БЪЛУ СВѢТУ

ФРАНЦІЯ

Русская православная церковь во имя Святителя Николая Чудотворца въ салонѣ I класса парохода Р. О. П. и Т. „Цесаревичъ Георгій“

Пароходъ „Цесаревичъ Георгій“, на борту котораго помещается церковь

КАЗАКИ-ДЖИГИТЫ

Казакъ джигить Бабенко

Лезгинка съ семью кинжалами (исполнитель Жуковъ)

В. В. ВЕРЕЩАГИНЪ

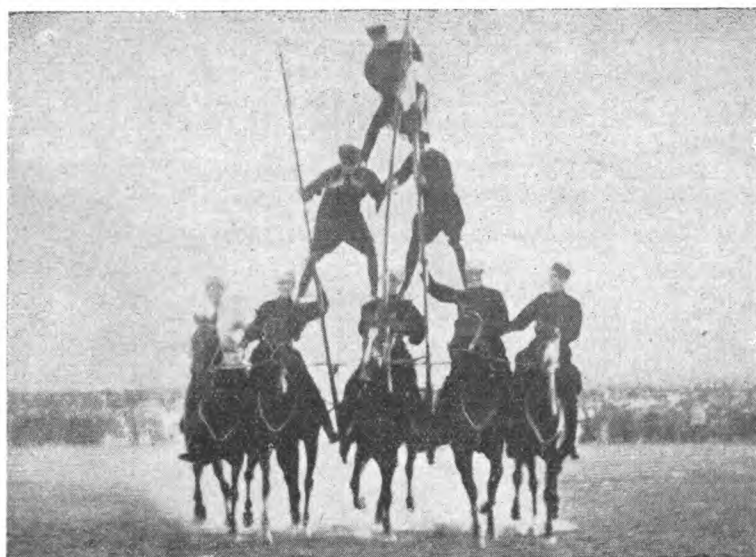
„ВЪ КРЕМЛЕ — ПОЖАРЪ“

Группа джигитов кубанского казачьяго войска. Женщины принимают участие въ пѣніи, танцахъ и разыгриваніи сценокъ изъ казачьяго быта. Самой маленькой исполнительницѣ всего 2 года

„Скобелевскій прыжокъ“ (исполнитель казакъ Жуковъ)

„Пирамида“ на полномъ бѣгѣ лошадей (исполнители казаки Голай, Степура и Сапельнякъ)

Атаманъ группы куб. джиг. С. Панасенко

„СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ“ кн. XXVI. Париж
1925

Пять лѣтъ изданія и двадцать шесть книгъ „толстаго“ журнала въ условіяхъ томительнаго эмигрантскаго существованія срокъ немалый, хронологически завершающій нѣкій циклъ и этапъ. Подведенію этихъ итоговъ и посвящена въ 26-ой „юбилейной“ книжкѣ журнала статья одного изъ его редакторовъ М. В. Вишняка — „На родинѣ и чужбинѣ“. Недостатокъ мѣста, къ сожалѣнію, не позволяетъ намъ остановиться подробнѣе на этой статьѣ, оформляющей разновременно высказанныя сотрудниками журнала положенія въ нѣкую идеологическую „платформу“ и заостряющей общественно-политическую позицію журнала. Все же нельзя не согласиться съ авторомъ, что обѣщаніе перваго обращенія редакціи быть „внѣпартійнымъ органомъ независимаго и непредвзятаго сужденія“ — журналомъ честно выполнено. Въ области ли художественнаго творчества, научнаго изслѣдованія или исканія общественнаго идеала журналъ прежде всего служилъ интересамъ русской культуры. Объ этомъ свидѣлствуютъ не только скромныя завѣренія редакціонной статьи; это видно и изъ простаго перечня именъ сотрудниковъ. Здѣсь представлены наиболѣе крупныя имена зарубежной литературной Россіи, въ общественно-публицистическомъ отдѣлѣ фигурируютъ имена представителей самыхъ разнообразныхъ отгѣнковъ и теченій политической мысли. Редакція сумѣла объединить ихъ, подойти къ своему матеріалу съ точки зрѣнія его объективной цѣнности, и въ этомъ ея огромная заслуга передъ читателями. То, что казалось невозможнымъ въ обстановкѣ бушующаго моря политическихъ страстей зарубежной Россіи — стало фактомъ на страницахъ „Современныхъ Записокъ“.

Нечего говорить о томъ, что и отчетная книжка журнала составлена съ такой же любовью и вниманіемъ, какъ и двадцать пять ранѣе вышедшихъ. Не вина редакціи въ томъ, что нѣкоторыя вещи отдѣльныхъ писателей слабѣе ранѣе напечатанныхъ, что помѣщеніе отдѣльныхъ статей (особенно въ библиографическомъ отдѣлѣ) вызвало упреки въ нѣкоторой части эмигрантской прессы — о вкусахъ, особенно литературныхъ, вѣдь можно спорить. Объективная цѣнность даваемого все та же — „Современныя Записки“

и въ этой двадцать шестой книжкѣ даютъ исключительно богатый и интересный матеріалъ.

Неизданные варианты повѣсти Толстого „Казакъ“, „Цикады“ Бунина, „На пенъкахъ“ Шмелева, „Труддезертиръ“ Ремизова, „Алексѣй Божій человекъ“ Зайцева представляютъ литературную часть книжки. И если рассказъ Шмелева, какъ это отмѣчено и критикой, слабѣе ранѣе помѣщенной вещи того же автора „Про одну старуху“, то Бунинскія „Цикады“ — исключительно глубокая по мысли и прекрасная по языку — и „Алексѣй“ Зайцева — ласкающій, душевный рассказъ — попрежнему прекрасны.

Менѣе богата книжка стихами.

Спорны положенія статьи Муратова о кинематографѣ.

Годовщина декабристскаго возстанія отмѣчена статьями Мережковского, Алданова (любопытна характеристика Сперанскаго), Цетлина. Кускова, Талинъ и отмѣченная редакціонная статья Вишняка заполняютъ политическій отдѣлъ журнала.

Наконецъ, богатый критико-библиографическій отдѣлъ и рядъ статей, посвященныхъ современнымъ общественнымъ проблемамъ могутъ удовлетворить запросамъ самаго требовательнаго читателя.

Р.

СПИСОКЪ КНИГЪ, ПОСТУПИВШИХЪ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА:

Ив. Бунинъ — Митина любовь.

М. А. Алдановъ — Чортовъ мостъ. Изд. „Слово“. Берлинъ

Ф. Степунъ — Записки прапорщика. Изд. „Пламя“. Прага
„Воля Россіи“, кн. XII (посвящена декабристамъ). Прага

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

В. Романовскаго

РИГА, Вальдемара 17, тел. 46-70.

Книги по всѣмъ отраслямъ знаній.

Регулярное поступленіе всѣхъ новинокъ. Большой
выборъ книгъ довоенныхъ изданій.

При магазинѣ постоянная выставка картинъ.

Объявлена подписка на „Перезвоны“ на 1926 годъ

На 3 мѣсяца { въ Латвіи — 10 лат.
(13 номеровъ) { „ Эстоніи — 850 эст. мар.
 { „ Литвѣ — 25 литовъ
 { за границей — 2 ам. дол. 50 цент.

На 1 мѣсяць { въ Латвіи — 3 лата 20 сант.
(4 номера) { „ Эстоніи — 260 эст. мар.
 { „ Литвѣ — 7½ лита
 { за границей — 75 ам. центовъ.

Въ отдѣльной продажѣ съ 1926 г. — 40 руб., за границей — 20 ам. центовъ за номеръ.

Подписка принимается въ конторѣ журнала „Перезвоны“ — Рига, Б. Кузнечная 43. Подписная плата въ Латвіи, Эстоніи, Литвѣ и во всѣхъ странахъ можетъ вноситься во всѣхъ почтовыхъ конторахъ на нашъ почтов. текущій счетъ — Post tchek conto Riga № 916.

ДВА МОРОЗА

Гуляютъ по чистому полю два мороза, два родные брата, съ ноги на ногу поскакиваютъ, рука объ руку покалываютъ.

Говоритъ одинъ морозъ другому:

— Братецъ, морозъ Багровый носъ! Какъ бы намъ позабавиться, людей поморозить? Отвѣчаетъ другой:

— Братецъ, морозъ Синій носъ! Коль людей морозить, не по чистому намъ полю гулять. Поле все снѣгомъ занесло, всѣ проѣзжія дороги замело; никто не пройдетъ, не проѣдетъ. Побѣжимъ-ка лучше къ темному бору. Тамъ хоть и меньше простору, да забавы будетъ больше. Все нѣтъ-нѣтъ, да кто-нибудь и встрѣтится на дорогѣ.

Сказано — сдѣлано.

Побѣжали два мороза, два родные брата, въ темный боръ.

Бѣгутъ, дорогой тѣшатся, съ ноги на ногу попрыгиваютъ, по елкамъ, по сосенкамъ пощелкиваютъ. Старый ельникъ трещитъ, молодой соснякъ поскрипываетъ. По рыхлому снѣгу пробѣгутъ - кора ледяная; былинка-ль изъ-подъ снѣга выглядываетъ, дунуть — словно бисеромъ ее всю унижутъ.

Вотъ слышатъ они съ одной стороны колокольчикъ, а съ другой — бубенчикъ; съ колокольчикомъ баринъ ѣдетъ, съ бубенчикомъ — мужичекъ. Стали морозы су-

дить да рядить: кому за кѣмъ бѣжать, кому кого морозить.

Морозъ Синій носъ, какъ былъ помоложе, говоритъ:

— Мнѣ бы лучше за мужичкомъ погнаться. Его скорѣй дойму; полушубокъ на немъ старый, заплатанный, шапка вся въ дырахъ, на ногахъ, кромѣ лаптишекъ, ничего. А ужъ ты, братецъ, какъ посильнѣе меня, за бариномъ бѣги. На немъ, вишь, шуба медвѣжья, шапка лисья, сапоги волчьи. Мнѣ ужъ съ нимъ не совладать.

Морозъ Багровый носъ только посмѣивается.

— Молодъ еще ты, — говоритъ, — братецъ! Ну, да ужъ быть по твоему: бѣги за мужикомъ, а я побѣгу за бариномъ. Какъ сойдемся подъ вечеръ — узнаемъ, кому легка была работа, кому тяжела. Прощай покамѣстъ!

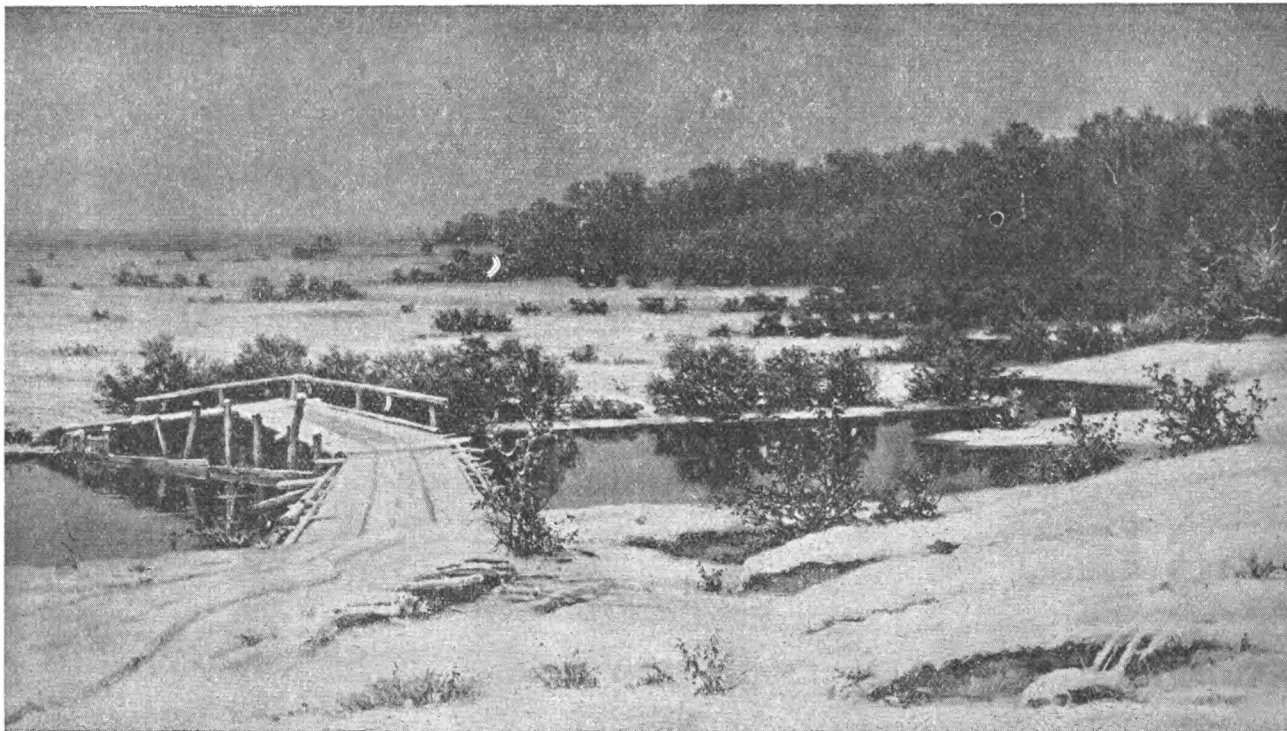
— Прощай, братецъ!

Свистнули, щелкнули, побѣжали.

Только солнышко закатилось, сошлись они опять на чистомъ полѣ, спрашиваютъ другъ друга.

— Что? То-то, я думаю, намаялся ты, братецъ, съ бариномъ-то, — говоритъ младшій, — а толку, глядишь, не вышло никакого. Гдѣ его было пронять!

Старшій посмѣивается себѣ.

Е. Е. Волковъ

„Зимній пейзажъ“

— Эхъ, братецъ, морозъ Синій носъ. Молодъ ты и простъ. Я его такъ уважилъ, что онъ часъ будетъ грѣться, не отогрѣется.

— А какъ же шуба-то да сапоги-то?

— Не помогли. Забрался я къ нему въ шубу, и въ шапку, и въ сапоги, да какъ началъ знобить... Онъ-то ежится, онъ-то жметъ да кутается, думаетъ: «Дай-ка, я ни однимъ суставомъ не шевельнусь, авось, меня морозъ не одолѣетъ.» Анъ, не тутъ-то было! Мнѣ это-то и съ руки. Какъ принялся я за него, чуть живого въ городѣ изъ повозки выпустилъ. Ну, а ты что со своимъ мужичкомъ сдѣлалъ?

— Эхъ, братецъ, морозъ Багровый носъ! Плохую ты со мной шутку сшутилъ, что во-время не образумилъ. Думалъ — заморожу мужика, вышло — онъ же мнѣ обломалъ бока.

— Какъ такъ?

— Да, такъ. Ъхалъ онъ, самъ ты видѣлъ, дрова рубить. Дорогой началъ было я его понимать, только онъ все не робѣетъ, — еще ругается: «Такой, — говоритъ, — сякой этотъ морозъ!» Совсѣмъ даже обидно стало; принялся я его пуще щипать да колоть. Только не надолго была мнѣ эта забава. Пріѣхалъ онъ на мѣсто, вылѣзъ изъ саней, принялся за то-

поръ. Я-то думаю, тутъ мнѣ и сломить его. Забрался къ нему подъ полушубокъ, давай его язвить. А онъ-то топоромъ машетъ, только щепки летятъ, сталъ даже потъ его пробирать. Вижу — плохо, не усидѣть мнѣ подъ полушубкомъ. Подъ конецъ инда паръ отъ него повалилъ. Я прочь поскорѣе. Думаю, какъ быть? А мужикъ все работаетъ да работаетъ; чѣмъ бы зябнуть, а ему жарко стало. Гляжу — скидаетъ съ себя полушубокъ. Обрадовался я. «Погоди же, — говорю, — вотъ я тебѣ покажу себя! Полушубокъ весь мокрехонекъ. Я въ него забрался и заморозилъ такъ, что онъ сталъ лубокъ лубкомъ. Надѣвай же теперь, попробуй! Какъ покончилъ свое дѣло да подошелъ къ полушубку, у меня сердце такъ и взыграло: то-то потѣшусь. Посмотрѣлъ мужикъ и принялся меня бранить. «Ругайся, — думаю я себѣ, — ругайся, а меня все-таки не выживешь!» А онъ выбралъ палку подлиннѣе да посуковатѣе, да какъ приметъ по полушубку бить. По полушубку бьетъ, а меня все бранить. Мнѣ бы бѣжать поскорѣе, ужъ больно я въ шерсти-то завязъ, — выбраться не могу. А онъ-то колотитъ. Насилу я ушелъ, думалъ, костей не соберу: до сихъ поръ бока ноютъ.

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

I

Въ брильянтовой чудной коронѣ,
Въ діадемѣ, волшебнѣе грезъ,
На высокомъ серебряномъ тронѣ
Возсѣдалъ Воевода-Морозъ.
Возлѣ пышной, развѣсистой ели
Передъ грознымъ Морозомъ-Царемъ
Его слуги — бураны, метели —
Боязливо стояли кругомъ.
Потрясая сѣдой бородою,
Поднимая серебряный мечъ,
Воевода держалъ предъ толпою
Вѣрныхъ слугъ громоносную рѣчь:
«Изъ-за дальняго синяго моря,
Чудодѣйственной силы полна,
Съ нашей властью могучею спога,
Вновь идетъ чародейка-весна.
Я предвижу съ тоскою глубокой, —
Нашей власти приходитъ конецъ,
Улечу я отсюда далеко,
И растаетъ мой царскій вѣнецъ.
Но, прощаясь надолго съ землею,
Напоследокъ потѣшу народъ,
Поборюсь на прощанье съ весною...
Гей, вы, слуги, за мною въ походъ!»

II

Закружились, завывали метели;
Снѣгъ убогія хаты занесъ;
Застонали могучія ели, —
То идетъ Воевода-Морозъ.
А навстрѣчу сердитому дѣду
Въ ореолѣ блестящихъ лучей,
Торжествуя надъ мракомъ побѣду,
И съ чарующей лаской своей,
Приближалась весна золотая,
Вся въ цвѣтахъ, вся полна красоты,
Землю вновь отъ снѣговъ обнажая,
Навѣвая на сердце мечты.
Воевода сталъ пасмурнѣй ночи,
И дыханьемъ дохнулъ ледянымъ
Въ ея свѣтлыя, добрыя очи;
Но весна засмѣялась надъ нимъ.
Засмѣялась она, улыбнулась
И помчалась со свитой впередъ, —
Вся природа отъ сна встрепенулась,
Прославляя желанный приходъ.
И съ тоскою на сердце глубокой,
Ледяной свой оставивши щитъ,
Къ Ледовитому морю далеко
Царь-Морозъ, побѣжденный, спѣшитъ.

ИЗБА

Небо въ часть дозора
Обходя, луна
Свѣтитъ сквозь узоры
Мерзлаго окна.
Вечеръ зимній длится;
Дѣдушка въ избѣ
На печи ложится
И ужъ спитъ себѣ.

Помоляся Богу,
Улеглася мать;
Дѣти понемногу
Стали засыпать.
Только за работой
Молодая дочь
Борется съ дремотой
Во всю долгу ночь.

И лучина блѣдно
Передъ ней горитъ.
Все въ избушкѣ бѣдной
Тишиной томитъ;
Лишь звучитъ докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

Н. П. Огаревъ

СОСѢДИ

Изъ кавказскихъ сказокъ

I

Были-жили какъ-то зимой на краю села, подъ горой, въ теплой землянкѣ, козелъ, баранъ да пѣтухъ. Жили они дружно: и радость и горе — все пополамъ. А наверху, въ лѣсной чащѣ, среди скалъ, въ холодной берлогѣ мерзли, другъ объ друга грѣлись, волкъ, медвѣдь да кабанъ.

Провѣдали они, что внизу у сосѣдей въ землянкѣ огонь, и посылаютъ къ нимъ кабана.

Пришелъ кабанъ къ избушкѣ:

— Хрю-хрю!

— Кто тутъ?

— Я кабанъ, за огнемъ пришелъ.

Перепугались козелъ да баранъ, не знаютъ, куда имъ дѣваться, а пѣтухъ успокаиваетъ ихъ, то одному, то другому что-то на ухо шепчетъ.

А кабанъ опять:

— Хрю - хрю, дайте же огня поскорѣй!

Чуть-чуть пріотворилъ пѣтухъ дверь, поклонился гостю и говоритъ:

— Заходи, сосѣдъ, возьми огоньку, да кстати кабаньяго мяса позакуси. Большого кабана мой товарищъ вчера рогомъ зарѣзалъ.

Какъ услышалъ это кабанъ, перепугался до смерти, забылъ и про огонь, назадъ бѣжать пустился.

Прибѣжалъ, еле дышитъ, рассказалъ товарищамъ.

Волкъ и говоритъ:

— Эхъ ты, трусь... Дѣлать нечего, придется мнѣ пойти.

Пришелъ:

— Тукъ-тукъ!

— Кто тутъ?

— Я, волкъ, за огнемъ пришелъ.

Пѣтухъ кричитъ барану:

— Наложилъ - ка, братъ, сосѣду жару, полонъ волчій черепъ. Да выбери черепъ побольше, вонъ хоть изъ той кучи.

У волка отъ страха мурашки пошли по кожѣ, пустился бѣжать и забылъ про огонь.

В. М. Васнецовъ

„Снѣгурочка“

Э. В. Сычковъ

„Зимой въ деревнѣ“

— Что за чудо? — говоритъ медвѣдь: дай-ка, я схожу.

Пришелъ да обѣими руками хлопъ въ двери.

Козелъ съ бараномъ такъ перепугались, что чуть не умерли со страху, а пѣтухъ ничего:

Ну-ка, братъ, наложи-ка въ волчій черепъ, а то лучше въ кабаній, сала медвѣжьего, сунъ туда тряпку, да зажги. Вотъ сосѣду и хорошо будетъ огонь до дому донести. Да не отъ этого, братецъ, медвѣдя — это сало мы поѣдимъ, только вчера убили, — возьми старое сало.

Какъ шарахнется медвѣдь отъ землянки, куда его храбрость дѣвалась.

— Что, братъ, узналъ, какъ храбриться? — смѣются надъ нимъ волкъ да кабанъ.

Долго они думали, какъ быть, и порѣшили пойти втроемъ къ землянкѣ, посмотреть, кто ихъ страшные сосѣди, и какъ они тамъ живутъ.

Пошли. Впереди волкъ-легкоходъ, за нимъ переваливается съ ноги на ногу Мишка-Медвѣдь, а позади кабанъ плетется

на своихъ короткихъ ногахъ и что-то про себя похрюкиваетъ.

Подсадили товарищи волка, взглянулъ онъ въ окно: козелъ стоитъ, поднялъ голову и жуетъ, баранъ почуялъ волка и съ испуга головой изъ стороны въ сторону вертитъ, а пѣтухъ ходитъ по землянкѣ да безпкойно кричитъ: куръ-куръ-куръ... куку-реку!

Волкъ перепугался, соскочилъ на землю, чуть глаза не выбилъ товарищамъ.

— Охъ, братцы, — говоритъ волкъ, а самъ съ перепугу дрожитъ весь, зубами шелкаетъ:

— Бѣжать надо отсюда: козелъ насъ на горѣ высматриваетъ, баранъ насъ ищетъ по низу, а пѣтухъ ихъ торопитъ все: поскорѣй да поскорѣй.

И всѣ пустились бѣжать, сломя голову.

II

Козелъ, баранъ да пѣтухъ только того и ждали: бросили свою землянку и пустились, куда глаза глядятъ, лишь бы уйти отсюда.

Шли-шли они, а какъ стало къ вечеру темнѣть, пѣтухъ взлетѣлъ на дерево по-смотриѣть, нѣтъ ли гдѣ близко жилья, — и вдругъ говоритъ сверху:

— Бѣда, братцы: сосѣди-то за нами идутъ. Лѣзьте ко мнѣ, сюда, можетъ, пройдутъ, не замѣтятъ.

Козелъ кое-какъ вскарабкался на дерево, а баранъ какъ ни прыгалъ, только и могъ, что за нижнюю вѣтку рогами зацѣпился и повисъ.

— Бѣда, — думаетъ, — увидитъ волкъ, такъ и вцѣпитъ зубами въ курдюкъ.

Но ничего подѣлать не можетъ. Виситъ, бѣдняжка, а самому все кажется, что волкъ уже поднялъ носъ къ курдюку, нюхаетъ его.

Когда совсѣмъ стемнѣло, подошли къ тому же дереву медвѣдь, волкъ да кабанъ и расположились ночевать.

— Ну, слава Богу, — говоритъ медвѣдь, растянувшись въ травѣ, — ушли мы отъ нихъ, кажется, далеко.

— Да, теперь уже имъ не найти насъ,

— хрюкаетъ кабанъ, а самъ ищетъ, нѣтъ ли тутъ чего поѣсть.

— А у меня и сейчасъ еще ноги трясутся, какъ вспомню про все, — говоритъ волкъ.

Не успѣлъ волкъ это сказать, — вѣтка обломилась, баранъ загремѣлъ внизъ да прямо на соннаго медвѣдя... Козелъ перепугался и тоже полетѣлъ внизъ, а пѣтухъ прыгаетъ съ вѣтки на вѣтку и кричитъ во все горло.

Медвѣдь выкатился изъ-подъ барана кубаремъ и бѣжать, кабанъ — въ другую сторону, а волка — и слѣдъ простылъ... Разбѣжались со страха такъ, что больше ужъ и не встрѣчались.

А козелъ, баранъ и пѣтухъ посидѣли, успокоились и на утро домой воротились. И живутъ они и теперь въ своей землянкѣ, и никто ихъ больше не беспокоитъ.

Съ неба упало три яблока: одно мнѣ, другое рассказчику, а третье тоже мнѣ.

ИГРЫ И ЗАНЯТІЯ

ВОЛШЕБНЫЯ ФИГУРЫ

Начертите на квадратѣ бумаги (бѣлой или почтовой), сильно намоченнымъ въ водѣ карандашомъ одинъ изъ рисунковъ: квадратъ, прямоугольникъ, многоугольникъ или другую, какую-нибудь геометрическую фигуру и положите эту бумажку на воду въ тазъ или полоскательную чашку такимъ образомъ, чтобы рисунокъ былъ сверху. Затѣмъ постарайтесь намочить площадь самаго рисунка, но только въ предѣлахъ его очертанія, а остальная бумага вокругъ него должна оставаться сухой. Это можно сдѣлать очень легко, осторожно обводя рисунокъ сверху перомъ или кисточкой. Фигура, очерченная влажнымъ карандашомъ, будетъ покрыта водой на подобіе маленькаго озера среди ненамокнувшей бумаги. Затѣмъ

возьмите булавку и кончикъ ея опустите въ любомъ мѣстѣ въ налитую на начерченной фигурѣ воду, но только такъ, чтобы острие булавки не касалось поверхности бумаги. Тогда вы увидите, что бумажка начнетъ двигаться до тѣхъ поръ пока геометрический центръ фигуры (обозначенный заранее буквой А) не подойдетъ подъ острие булавки; тогда булавка сразу остановится на водѣ.

Повторивъ этотъ опытъ съ квадратомъ и прямоугольникомъ, вы убѣдитесь, что острие булавки будетъ всегда въ концѣ опыта противостоятъ пересѣченію діагоналей, т. е. пересѣченію линій соединяющихъ противоположные углы фигуры.

ШАРАДА № 12

* * *
Рабочій и бѣднякъ милѣе мнѣ другихъ.
Какая бы бѣда не посѣтила ихъ, —
Я сглаживаю вмигъ на лбу у нихъ морщины,
И облегчаю грудь отъ давящей кручины.
Сплетаю съ истиной плѣнительный обманъ,
Показываю имъ видѣнья лучшихъ странъ,
Являю имъ друзей, сошедшихъ ужъ въ могилу,
И для борьбы съ нуждой вновь придаю имъ силу.

Зато преступника бѣгу я, какъ огня.
Будь онъ богатъ, могучъ, но счастья безъ меня
Ему никто, ничто на свѣтѣ дать не властно,
И какъ бы онъ меня ни звалъ къ себѣ — напрасно.
Такъ онъ тоской по мнѣ всю жизнь свою томимъ,
Пока сестра моя не сжалится надъ нимъ,
Неумолимая царица вѣчной ночи,
И не смежитъ ему на вѣкъ больныя очи.

Содержаніе слѣдующаго № 13 (№ 5/1926) номера:

Стихи. Разказы: **А. И. Куприна** — „Пунцовая кровь“ (окончаніе). **Бор. Зайцева** — „Атлантида“. **Н. Притисскаго** — „Мотивы чудеснаго“. Статья **Н. И. Мишеева** — **Н. К. Рерихъ**.

Репродукціи картинъ **Н. К. Рериха**, двѣ въ краскахъ.

Отдѣлы: „Дѣтскій уголокъ“. „Искусство“. „Русская книга“. „По бѣлу свѣту“. „Изъ области науки, открытій и изобрѣтеній“.

Наилучшая англійская пшеничная мука и овсяныя хлопья

„MILLENNIUM“

Главное мѣсто продани у **К. А. БУШЪ** и **П. БАУМАНЪ**, Господская ул. 23. Тел. 26-92.

Большая русская безпартійная газета

„ВОЗРОЖДЕНИЕ“

выходить въ Парижѣ, ежедневно не исключая послѣпраздничныхъ дней, размѣромъ въ 4 и 6 страницъ съ иллюстраціями
подъ редакціей **ПЕТРА СТРУВЕ** и при ближайшемъ участіи поч.
акад. **И. А. БУНИНА**,

при постоянномъ сотрудничествѣ **А. В. АМФИТЕАТРОВА**, **ЛЕРИ**,
ЛОЛО, **А. М. РЕННИКОВА**, **ТЕФФИ**, **А. В. ТЫРКОВОЙ**,
И. С. ШМЕЛЕВА, **В. В. ШУЛЬГИНА**, **А. А. ЯБЛОНОВСКАГО**
и при участіи другихъ выдающихся литераторовъ и публицистовъ
и общественныхъ дѣятелей.

Собственные корреспонденты въ міровыхъ центрахъ и въ Россіи.
Широкое освѣдомленіе о русской жизни заграницей и въ Россіи.

Обширный отдѣлъ коммерческихъ и частныхъ объявленій

Подписная плата (съ 1-го и 16-го cadaго мѣсяца.					Цѣна отдѣльнаго номера:
	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	12 мѣс.	
Въ Латвіи л. р.	150	420	800	1500	7 латв. руб.
Въ Литвѣ лит.	7	19.50	35	60	25 цент.
Въ эстоніи эст. м.	250	700	1300	2400	10 эст. мар.

Подписка принимается:

Во Франціи: въ конторѣ газеты 2, rue de Sèze, Paris 9,

Въ Латвіи: у г-на Ed. Petzholz, Šķūņu ielā 16, Rīgā.

Въ Литвѣ: въ Bureau de Presse Entragère, Laisves Aleja 48, Kaunas.

Въ Эстоніи: у Mr. Tobon, Goldschmiedestrasse 8, Tallin.

ПРИ КОНТОРѢ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ „ВОЗРОЖДЕНИЕ“.

2, rue de Sèze, уголъ Bd. de la Madeleine. Tél. Richelieu 94-98, 94-99.

ТЕАТРЪ - ВАРЬЕТЭ „МАРИНЭ“

дир. Ф. Э. Кару.

Съ 25-го января с. г.

Проѣздомъ изъ Москвы въ Парижъ тріо Московскихъ танцоровъ

Бай-Биччи-Доріанъ

II.

„Злободневное обозрѣніе“

(Revue) въ 7 картинахъ

1. Кабин. № 13 кабарэ „Дансингъ-Паласъ“
2. Фарфоровая статуетка
3. Вино
4. I want to be happy
5. Неаполитанская капелла
6. Fin du siècle
7. Извозчикъ и такси.

Сочиненіе Ив. Руденкова. Балетныя постановки Элм. Плевичкаго. Костюмы собственной мастерской. Конферируютъ Ив. Руденковъ и И. Дзинтернекъ. Англичане, неаполитанцы, гости, кордебалетъ и др.

На экранѣ:

Хроника Латвіи. Маринэ журналъ.

Любовныя приключенія M-lle Hella von Gilsa

Драма въ 8 частяхъ.

Въ главныхъ роляхъ:

Lilian Harvey

Lydia Potetchina

Herman Picha

Otto Gebühr

ИЗДАНИЯ

Акц. О-ва Печатн. Дѣла „САЛАМАНДРА“

Б. Кузнечная ул. № 43.

Учебники Н. В. Кузнецова:

1) Практич. курс русск. правописанія с самодиктантами, 2 изд.	1.20
в папке — 1 лат 20 с.	
2) Элемент. курс русск. грамматики с самодиктантами (этимология и синтаксис для 2 и 3 кл. основных школ, 2-ое переработ. издание	1.30
3) Настольн. Хрестоматія с элемент. сведен. по родиноведен. (1 книга после букваря)	1.70
4) Настольн. Хрестом. 2 часть — для 2 и 3 кл основной школы	1.90
5) Новый иллюстрирован. сборник упражненій в письмен. изложении мыслей в связи с элем-тарн. сведениями из синтаксиса. Выпуск I. — для дошкольн., I-го и II-го класса основной школы	1.30
6) Тоже II-ой выпуск для 3-го и 4-го клас. основной школы	1.60
7) Пособіе к сознат. чтенію научныхъ и художеств.-литер произведений. Контрольн. тетрадь для внеклассн. чтен. и для изучен. индивидуальн. учащихся	—40
Кроме того в издании автора Н. В. Кузнецова вышли учебники по арифметике	
8) Новые сборники арифм. задач; вып. I. — цена 1. лат. 30 сант., вып. II. — 70 сант., вып. III. — 1 лат., вып. IV. и V. по 1 лат. 50 сант.	
9) Сравнит. таблицы мер и весов (съ образцами вычислений)	—70

Сборник юриск. мин. юст. П. П. Якоби и Г. П. Элерсъ. Законы о печати, о зрѣлищахъ, о политич. организац., собраніяхъ, о борьбѣ съ пьянствомъ и др. 2.50

Vesmāmulas pasakas, Rob. Bērziņa; Ilustrejis A. Drekslers. (Cena Ls. 2.—) 2.—

Всѣ твердятъ наперебой:
Хорошо печетъ Алой!

Спеціальная фабрика баранокъ

Бол. Московская ул. 14-16, тел. 83-06.

Большой выборъ

элегантныхъ
мѣховыхъ
шапокъ
для
взрослыхъ
и
дѣтей.

Вышел и поступил в продажу
№ XII журнала № XII

„ВОЛЯ РОССИИ“

СОДЕРЖАНИЕ №:

Алексей Ремизов — Россия въ письменах
(письма Пестелей).

Д. Шаховской — Три стихотворения.

Марина Цветаева — Крысеолов

Н. А. Рубакин — Рукописи Шервуда и Николаева.

Документы о декабристах — Донесение
Шервуда. Донесение и дневник С. Николаева.
Казнь декабристовъ по рассказу очевидца.

Марк Слоним — Предтечи и потомки.

Вл. Лебедевъ — Россия и эмиграція

В. Архангельский — О религиозном фронте
эмиграции.

А. Даманская — Эмиграция французской
революции.

Е. Сталинский — На внутреннем фронте боль-
шевизма (Советская демократія).

Иностранная жизнь: **Р. Свенторжецкий** —
Политические партии Финляндии. Среди книг и
журналов. Отзывы о книгах.

Цена этого № в Чехословакии—15 кр. ч., во Франции,
Бельгии и Турции—10 фр., в остальных стран.—50 ам. цент.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

„Volja Rossii“, Uhelny trh, č. 1, Praha I. Tchécoslovaquie

Обувь

Прочная

Элегантн.

для мужчинъ - дамъ - дѣтей

Фабричные склады:

Рига: { Гертрудинская ул. 14
Сарайная ул. 3
ул. Свободы 64/66

Либава: Зерновая ул. 33

Виндава: Замковая ул. 24

Двинскъ: Рижская ул. 9

На выставкѣ въ Либавѣ 1925 г. — золотая медаль

Принимается подписка на 1926 годъ
на газету

Новое Время

Въ предѣлахъ Королевства С. Х. С. на
1 мѣс. — 45 дин., 3 мѣс. — 125 дин.
6 мѣс. — 250 дин., 12 мѣс. — 400 дин.
За границу на 1 мѣс. — 0,75 амер. долл.

Розничн. продажа въ Кор. С. Х. С. — 2 дин. за экз.

Подписка принимается съ 1 и 15 числа каждого мѣсяца.

Въ главной конторѣ газеты: Бѣлградъ, ул. Кр.
Натали и во всѣхъ конторъ-агентствахъ газеты.

Братья Поповы

Основ. въ 1788 г.

Рига, бл. Грѣшная ул. 35

Телефоны

Контора — 25-61

Складъ — 43-16

Стальн. отд. — 92-57, 52-92

Желѣзн. отд. — 29-65, 65-28

Варшавскія кровати съ
пружин. матрацами
фабрики „Конрадъ Ярнош-
кевичъ и Ко.“

Аллюминіевыя кухон-
ныя принадлежности.

Столовые принадлежн.
фабрики „Артуръ Круппъ“

Большой выборъ
плитъ и чугуновъ, печей.

Оптика

ОКО

РИГА, ASPAZIJAS BULV. 8

Фотографія

А. Ратфельдъ

Сѣдельный мастеръ бывш. И. Партумъ, осн. 1875 г.
Рига, Известковая ул. 23. Тел. 61-45.

Дорожная, спортивная и военная принадлежности.

Постоянно большой выборъ изъ собств. мастерской по самымъ умѣрен. цѣнамъ.

Сундуки — чемоданы изъ кожъ и Амер. вулкан. Фибры.

Дорожн. сумки, саквояжи и мѣшки.

Портфели. Бумажники. Ранцы.

Англ. военные ремни.

Гетры — стеки — футболы — бутсы.

Шпоры и петлицы оптомъ и въ розницу и т. д. и т. д.

Заказы и починки исполняются точно и аккуратно. Образцовые сундуки исполняются только по мѣркѣ.

==== **Послѣдняя** =====
мода въ дамскихъ сумкахъ.

Рекламный домъ

“Колоколъ”

Бл. Кузнечная 45.
Телефонъ 27-27.

Пріемъ объявленій для всѣхъ газетъ и журналовъ. Составленіе объявленій. Плакаты, этикетки, упаковки. Исполненіе всевозможныхъ художественныхъ работъ на стеклѣ, жести и т. д. Діапозитивы. Худож. печатн. произв.

Представители

газеты „Слово“, журнала „Пере-
звоны“ и „Юный читатель“.

Собственный рекламный отдѣлъ.

JAVOL

ОБЩЕПРИЗНАННАЯ

ВОДА для ВОЛОСЪ.

Генеральный представитель **Пров. С. Блумъ,**
Рига, Церковная ул. 31.

Акц. О-во Мебельн. и паркетн. фабрики «КОМПЛЕКСЪ»

Улица Свободы 82. Телефонъ 92-67.

Быстрое исполненіе заказовъ по новѣйшимъ рисункамъ какъ своимъ, такъ и спеціальнымъ. На складѣ Салоны стиля Ампиръ, Рококко. Столовые, спальни и кабинеты.

Допускается разсрочка.

Chlorodont

Міровая марка для зубной пасты,
эликсира и порошка.

Въ употребленіи милліонами.

Любители находятъ, что

СТРЕМЕРСА китайскій цвѣточный чай (этикетъ „Золотой танго-слонъ“) наивысшій по качеству и превосходный по аромату.